

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

ИРВИН
УЭЛШ

ТУПАЯ
ЕЗДА

18+

Иностранная литература. Современная классика

Ирвин Уэлш

Тупая езда

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэлш И.

Тупая езда / И. Уэлш — «Азбука-Аттикус»,
2015 — (Иностранная литература. Современная классика)

ISBN 978-5-389-13798-1

От «неоспоримого лидера в новой волне современной британской словесности» (Observer), который «неизменно доказывает, что литература – лучший наркотик» (Spin), – новое подтверждение того, что «с возрастом Уэлш не смягчается, а, наоборот, крепчает» (Spectator). Итак, Терри Лоусон, уже знакомый нам по роману «Клей», снова в деле! Опытного таксиста и звезду видеокомпании «Порокко-барокко» не остановят ни бушующий в Эдинбурге ураган Мошонка, ни американский панк-бизнесмен с ирокезом на голове, ни гангстеры с полицией, ни чрезвычайное происшествие в массажном салоне «Свободный досуг»... Впервые на русском! Содержит нецензурную брань

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13798-1

© Уэлш И., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Часть первая. Предмошоночная невинность	6
1. Будни водителя такси	6
2. Железно	19
3. Офисная работа	27
4. Сладкий вкус свободы	29
5. Джонти и плохая погода	32
Часть вторая. Ураган мошонка	33
6. Блицсвидания	33
7. Джинти довели	36
8. Беготня	38
9. Прибежище в «пабе без названия»	39
10. Что у мошонки в мешке	43
11. На бога уповаем. Часть 1	47
12. Последняя битва мошонки	50
Часть третья. Послемошоночная паника	51
13. Джонти на районе	51
14. Рыцарь в сверкающих доспехах	56
15. Джонти в «макдональдсе»	59
16. Отели и сауны	60
17. Безучастные к природному феномену	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ирвин Уэлш

Тупая езда

© Д. Симановский, Г. Д. Йоханссон, перевод, 2017

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

® Издательство ИНОСТРАНКА

* * *

Робин Робертсон – эта езда была совсем не тупой...

*Интеллектуал – это человек, который нашел в жизни нечто более
интересное, чем секс.*

Олдос Хаксли

Часть первая. Предмошоночная невинность

1. Будни водителя такси

– Ни за что не просечешь, кто тут давеча ко мне в кэб забрался.

Это Джус Терри Лоусон, его крепкое туловище упаковано в зеленый флуоресцентный спортивный костюм. Буйные кудряшки бешено взмываются вверх, когда из открытых дверей аэропорта на стоянку такси вырывается порыв ветра, разбиваясь о защитный барьер из плексигласа. Терри потягивается, широко зевает, и рукава его куртки задираются, обнажая на запястьях золотые цепочки, а на предплечьях – две татуировки. На одной из них похожая на слайсер для яиц арфа и надпись «ФК „Хиберниан“ 1875» вокруг нее. С другой окружающим развязно подмигивает огнедышащий дракон и призывает их, как гласит выгнутая снизу надпись, «ПУСТИТЬ СОКИ».

Его приятель Толстолобый – тощий, астматического вида мужчина – бросает на него безучастный взгляд. Закуривая, он пытается прикинуть, сколько раз успеет затянуться, прежде чем ему придется иметь дело с надвигающейся толпой авиапассажиров, которая толкает свои заваленные багажом тележки в его сторону.

– Мудила этот из телика, – продолжает Терри, почесывая яйца через полиэстер.

– Какой еще?.. – бормочет Толстолобый, оценивая гору чемоданов многочисленной азиатской семьи.

Он надеется, что их обгонит вышагивающий следом мужчина и тогда Толстолобому не придется грузить всю эту поклажу. Пускай Терри с ними разбирается. Длинное кашемировое пальто на мужчине расстегнуто, из-под него выглядывает темный костюм, белая рубашка и галстук, он носит очки в черной оправе и, что совсем уж странно, ирокез.

Мужчина неожиданно вырывается вперед толпы, и вот Толстолобый уже воспрял духом. Но тут мужчина останавливается как вкопанный и смотрит на часы, пока азиатская семья, прокатившись мимо, сыпью покрывает Толстолобого.

– Пожалуйста, пожалуйста, побыстрее, пожалуйста, – упрашивает глава семейства, а в ограждение вдруг картечью начинает биться дождь.

Терри наблюдает, как его друг надрывается с чемоданами.

– Да этот стендап-комик, с Четвертого канала. Он еще фачил эту пташку, как ее там, сочная такая. – Он обрисовывает в воздухе песочные часы и встает за ограждение, чтоб не промокнуть.

Пока Толстолобый тужится с чемоданами и хрипит, Терри наблюдает, как нелепая прическа мужчины в очках и длинном пальто разлетается во все стороны на ветру, а пальцы, вбивая цифру за цифрой, мутузят телефон. Терри понимает – где-то он его уже видел, в группе, что ли, он какой играл. Он также замечает, что мужчина старше, чем можно было подумать по прическе. Внезапно появляется его затюканный помощник, коротко стриженный блондин с напряженным лицом, и опасливо встает рядом.

– Мне очень жаль, Рон, но машина, которую мы заказывали, сломалась...

– Исчезни! – рывкает бизнес-панк (как его уже мысленно окрестил Терри) с американским акцентом. – Я возьму это долбаное такси! Проследи, чтобы мои чемоданы доставили в номер.

Даже не взглянув на Терри через розоватые линзы своих очков, бизнес-панк забирается на заднее сиденье такси и с силой захлопывает дверь. Его пристыженный помощник не издает ни звука.

Терри садится в машину и включает зажигание.

– Куда катим, шеф?

– Что? – Бизнес-панк смотрит на скрываемый копной кудряшек затылок поверх своих фотохромных очков.

Терри разворачивается в кресле:

– Куда. Бы. Вы. Хотели. Чтобы. Я. Вас. Отвез.

Бизнес-панк понимает, что этот кудрявый таксист разговаривает с ним как с ребенком. Гребаный Мортимер, не может ни за чем уследить. Вот уж влип так влип. Он сжимает ремень безопасности. Напряженно сглатывает:

– Отель «Балморал».

Аморал!

– Хороший выбор, приятель, – произносит Терри и прокручивает в голове список своих сексуальных приключений в этом отеле, которые обычно выпадают на два коротких промежутка в году; по части гарнира к его обычному рациону из мохнаток на районе и заезженных порноактрис нет ничего лучше, чем Эдинбургский международный фестиваль в августе и Хогманай¹. – И чем же ты промышляешь?

Рональд Чекер привык, что его узнают. Он не только крупный застройщик, но и звезда реалити-ТВ, хорошо известный по успешному шоу «Продажи». Отпрыск богатой семьи из Атланты, выпускник Гарварда, он пошел по стопам отца и занялся недвижимостью. Рон Чекер никогда не был близок с отцом и потому широкими связями старика пользовался с особой корыстью. Вот так сын стал успешнее отца и вырвался из «солнечного пояса» США на мировой рынок. Рон решил, что предложит телеканалам шоу, в котором предстанет эдаким молодым южанином, панкующим Дональдом Трампом, чье шоу «Кандидат» пользовалось заметным успехом. Друг Рона, стилист, придумал ему образ с ирокезом, а сценарист с телеканала придумал слоган: «Яйца в бизнесе нужны». Теперь «Продажи» транслируются на весь мир, идет уже третий сезон, и Чекер знает, что в Британии его тоже показывают. Смутившись, он спрашивает у таксиста:

– Вы «Продажи» не смотрели?

– Вживую – нет, но я знаю, о чем речь, – кивает Терри. – Клип на «Smack Ma Bitch Up» был чересчур лихим, но неко торые пташки такое любят. Шоб пожестче, ну ты врубаешься. Нет, я, конечно, не сексист, ничего такого. Дамы в своем праве. Они изъявляют желание, ты его удовлетворяешь, так ведь и поступают настоящие джентльмены, верно, приятель?

Чекер с трудом понимает этого таксиста. В ответ ему остается только просипеть:

– Да уж.

– Сам-то ты женат, приятель?

Чекер ошарашен, он не привык, чтобы незнакомцы вроде этого простого шотландского таксиста так самонадеянно с ним разговаривали. Он уже собирается отрезать: «Не твоё дело», но вспоминает, что команда пиарщиков настойчиво советовала ему вернуть расположение публики после фиаско в Нэрне. При застройке уничтожили небольшую прибрежную пещеру, снесли пару вилл из списка охраняемых объектов и переселили редких гнездящихся уток. Но вместо того чтобы порадоваться новому гольф-клубу, квартирам и рабочим местам, большинство жителей не одобрило все эти начинания.

Загнав оскорбленные этим вторжением в личное пространство чувства в мрачную улыбку, Чекер отвечает:

– Разведен, трижды, – и с какой-то озлобленностью припоминает Сапфиру, свою третью жену, затем – с острой, мучительной болью – Марго, свою первую.

Он пытается вспомнить Монику, недолго исполнявшую обязанности в промежутке, но ему едва удастся вызвать ее образ в памяти, что одновременно веселит его и пугает. В голове

¹ *Hogmanay* – языческий шотландский праздник последнего дня в году. (Здесь и далее примечания переводчика.)

мелькает только ослабившееся лицо адвоката да семь жирных нулей. Для мужчины, которому через год еще только исполнится сорок, три – это тревожная статистика.

– Опа! Знакомо! – понимающе бросает Терри. – С тем чтобы их подцепить да повозить их хорошенько, у меня никогда проблем не было, – торжествующе заливается он. – Мой Верный Друг, – доверительно похлопывает он себя между ног, – работает без выходных, это я тебе без всяких говорю! Без этого никуда, верно, приятель? – Терри расплывается в улыбке, ну а Чекер наслаждается тем, как его спина растекается по жесткому сиденью, такому удобному после всех этих нескончаемых путешествий в представительских самолетах и лимузинах. – Всегда есть несколько на выбор, естественно, но... сам знаешь, чего это стоит! Самое страшное – это влюбиться. Начинаешь врать себе, что всю оставшуюся жизнь будешь паять только эту пташку, и никого боле. Но против при роды не попрешь. Через несколько месяцев блудливый глаз и горящий дрын снова вступают в игру! Железно!

Чекер чувствует, как к щекам приливает кровь. В какую, черт возьми, новомодную геенну верг его Мортимер? Сначала из-за технических неисправностей в «лир-джете» ему пришлось лететь униженным регулярным рейсом, а теперь еще и это!

– Для меня всякие там церемонии остались в прошлом. – Терри понижает голос и резко оборачивается. – Слушай, приятель, если тебя интересуют местные закоулки, только скажи. Я тот, кто тебе нужен. Могу подогнать все, что захочешь. Чисто так, к сведению!

Рон Чекер едва улавливает, о чем человек за рулем говорит ему «чисто так, к сведению». Этот придурок в самом деле не догадывается, кто я! Однако сквозь захватившую его волну презрения к этому таксисту пробивается что-то еще: Рональд Чекер чувствует смутное возбуждение оттого, что он плывет по течению, что он, совсем как в студенческие годы, снова стал путешественником, а не избалованным туристом в бизнес-классе. И как же хорошо его спине на этих негнущихся сиденьях! К своему удивлению, Чекер признает, что какая-то его часть, та, что оказалась на свободе после недавнего развода, наслаждается происходящим вокруг! Да и почему бы ему не наслаждаться? Вот он мчит вперед, совершенно один, вдали от бездарных подхалимов вроде Мортимера! Разве должны его давить и ограничивать чужие представления о том, кто такой Рональд Чекер? Разве не здорово ненадолго почувствовать себя кем-то другим? А тут еще и спина! Возможно, сейчас самое время дать зеленый свет.

– Благодарю... вас...

– Терри, дружище. Терри Лоусон, но все зовут меня Джус Терри.

– Джус Терри... – Чекер взвешивает это имя на языке. – Что ж, рад знакомству, Джус Терри. Я Рон. Рон Чекер.

Он пытается в зеркале заднего вида разглядеть на лице таксиста хотя бы какие-то признаки узнавания. Ни намека. «Этот клоун настолько поглощен своей жалкой, пустой жизнью, что и в самом деле не имеет ни малейшего представления о том, кто я такой». Но в Шотландии с Ронни такое уже случалось, во время катастрофы в Нэрне.

– Ты зацени-и-и! – ревет Джус Терри, увидев стоящую на переходе вполне заурядную, с точки зрения Чекера, молодую женщину.

– Да... очаровательная, – неохотно соглашается Чекер.

– У меня от этой мохнатки уже пожар в штанах!

– Точно... Послушай, Терри, – начинает Чекер, почувствовав внезапный прилив вдохновения, – мне нравятся эти кэбы. Здесь очень удобные сиденья для моей спины. Я бы хотел нанять тебя на эту неделю. Покатаешь меня по городу, покажешь несколько туристических мест и отвезешь на пару деловых встреч к северу от города. У меня кое-какие переговоры на винокурне в Инвернесе, к тому же я люблю поиграть в гольф. Несколько раз нужно будет заночевать по пути – в самых лучших отелях, разумеется.

Терри заинтересован предложением, но качает головой:

– Прости, чувак, у меня все смены расписаны.

Чекер не привык к несговорчивости в других, он воспринимает этот ответ с недоверием.

– Я заплачу тебе в два раза больше, чем ты зарабатываешь в неделю!

В ответ на него смотрит широкая улыбка, обрамленная копной кудряшек.

– Ничем не могу помочь, парнишка!

– Что? – Голос Чекера скрипит от отчаяния. – В пять раз! Скажи, сколько ты получаешь в неделю, и я дам в пять раз больше!

– Сейчас самое жаркое время в году, чувак, такая беготня перед Рождеством и Хогма-наем – хуже, сука, чем во время фестиваля. Я делаю по две тонны в неделю, – врет Терри. –

Сомневаюсь, что ты заплатишь тысячу за то, чтобы тебя просто покатали на такси с неделю!

– Считай, что мы договорились! – рычит Чекер, лезет в карман и достает чековую книжку. Размахивая ею перед затылком Терри, он орет: – Мы ведь договорились?

– Слушай, чувак, дело же не только в деньгах; у меня есть постоянные клиенты, они на меня рассчитывают. Другой род деятельности, сечешь? – Терри оборачивается и похлопывает себя по носу. – Говоря по-деловому, нельзя действовать в ущерб основному бизнесу ради единовременной выгоды. Нужно заботиться о длительных деловых отношениях, приятель, стабильном финансовом потоке и не ввязываться в сторонние проекты, какими прибыльными бы они ни казались в ближайшей перспективе.

В зеркале заднего вида Терри видит, что Чекер задумался над услышанным. Терри доволен собой, хотя он всего лишь цитировал слова своего друга, Больного, снимающего порнофильмы, в которых Терри время от времени участвует.

– Но я могу предложить...

– Я все равно вынужден отказаться, приятель.

Чекер поражен. И все же в глубине души он чувствует: в этом таксисте что-то есть. Возможно, это «что-то» как раз то, что ему нужно. Эта мысль вынуждает Рональда Чекера выдать из себя слово, которое не слетало с его губ с тех пор, как он закончил младшую школу:

– Терри... пожалуйста... – Чекер задыхается, оттого что произнес это слово.

– Ладно, приятель, – говорит Терри, сверкнув в зеркале улыбкой, – мы ведь деловые люди. Уверен, мы сможем прийти к какому-нибудь соглашению. Только одно «но», пожалуйста, имей в виду, – Терри оборачивается, – насчет упомянутых тобой ночевок в отелях... на жопосуйство можешь не рассчитывать!

– Что?! И в мыслях не было, – протестует Чекер, – я не какой-нибудь чертов педик...

– Ничего не имею против, вдруг это по твоей части, я и сам иногда не прочь зайти с заднего хода, но волосатое дупло и болтающиеся под ним кокосы – это, знаешь ли, совсем не для Джуса Терри. – Терри яростно мотает головой.

– Нет... об этом можешь не беспокоиться! – произносит Чекер, содрогаясь от неприятного послевкуся, но вовремя проглатывая таблетку антиозверина.

Такси подъезжает ко входу в «Балморал». Носильщики, очевидно, ожидали приезда Рона Чекера и теперь буквально на полпути бросают свои дела, в том числе багаж одного из гостей, чтобы ринуться к такси, как только из него выйдет американец. Ветер усилился, и, пока Чекер разговаривает с Терри, порыв взметает его засаленные, крашенные черные волосы вверх и удерживает их в таком положении, из-за чего они становятся похожи на траурный павлиний хвост.

Мужчины обмениваются контактами, и под взглядом нависших над Чекером носильщиков Терри неспешно, с чувством вбивает цифры в свой телефон. Они жмут друг другу руки, и Терри, полагая, что Чекер как раз из тех, кто целенаправленно отработывает на других крепкое рукопожатие лидера, первым до предела сдавливая костяшки пальцев Чекера, а затем выдерживает руку, не оставляя Чекеру возможности переломать свои ускользающие пальцы.

– Я позвоню, – улыбается Рональд Чекер, и на лице у него то непривлекательное выражение, которое у большинства людей возникает только в том редчайшем случае, когда, находясь

в задумчивости и наедине с собой, им вдруг посчастливится увидеть, как глубоко ненавистный враг падает под колеса автобуса.

Терри провожает Чекера взглядом, пока тот, самодовольно вышагивая, тщетно пытается под порывами штормового ветра пригладить свою прическу и с заметным облегчением проходит мимо подобострастно улыбающегося швейцара.

К своему удивлению, носильщики не обнаруживают в такси багажа и смеряют Терри подозрительными взглядами, словно он имеет к этому какое-то отношение. Терри уже было ошетинился, но у него есть другие неотложные дела. Сегодня похороны его старого друга Алека. Терри едет домой, в свою квартиру в Саутсайде, переодевается и звонит Толстолобому, чтобы тот отвез его на кладбище Роузбенк.

Толстолобый пунктуален, и Терри с благодарностью устраивается на заднем сиденье такси. Однако этот кэб, хотя он и той же модели, что и любимая ТХ4 Терри, выпускавшаяся Лондонской транспортной компанией, все же более старой версии, он не такой роскошный и прилизанный; в таких спартанских условиях Терри в своем черном бархатном пиджаке, в застегнутой на все пуговицы желтой рубашке без галстука и серых фланелевых брюках чувствует себя чересчур разодетым. Он собрал свои пружинистые кудряшки на затылке резинкой, но парочка из них уже выбилась, и теперь они надоедливо прыгают перед глазами, пока Терри сканирует женщин, которые движутся вдоль парка в сторону обветшавшего и заиндевевшего центра. Пока Терри выходит из машины и прощается с Толстолобым, налетает холодная морось. Терри впервые присутствует при погребении, его удивила новость о том, что церемония будет проходить не в обычном крематории в Уорристоне или Сифилде. Как выяснилось, место для семейного захоронения было выкуплено еще много лет назад и теперь Алек должен быть похоронен рядом со своей женой Терезой, трагически погибшей при пожаре. Терри никогда ее не видел, хотя и знал Алека со своих шестнадцати лет. Много лет спустя в приступе пьяных стенаний, слез и раскаяний Алек рассказал Терри, как однажды в подпитии включил фритюрницу, устроив пожар, в котором и погибла его жена.

Терри поднимает воротник пиджака и направляется туда, где вокруг могилы собрались многочисленные скорбящие. Здесь людно; впрочем, похороны Алека и должны были стать партийным собранием для всякого сброда. Удивительно, но многие из тех, кого Терри считал умершими или отсиживающими срок, как оказалось, просто не выходили дальше местного супермаркета, с тех пор как был введен запрет на курение в общественных местах.

Вокруг отнюдь не только третий сорт. Похрустывая гравием, в ворота уверенно въезжает зеленый «роллс-ройс». Остальные автомобили припаркованы на прилегающей улице, но, к огромному недовольству растерянных сотрудников кладбища, «роллс-ройс» останавливается в считанных сантиметрах от первых надгробий, и только тогда из него чинно выходят двое мужчин в плащах и костюмах. Один из них гангстер, которого Терри знает под именем Пуф. Его сопровождает парень помладше, с хитрым прищуром и тонкими чертами лица, для телохранителя он слишком невыразительных размеров, думает Терри.

Этот парадный выход определенно завладел вниманием собравшихся, но только не Терри – уже в следующее мгновение его взгляд устремляется в другом направлении. Его опыт показывает, что горе может по-разному влиять на людей. Наряду со свадьбами и торжествами похороны предоставляют лучшие условия для съема. В этой связи он припоминает, что советник Мэгги Орт вернула свою девичью фамилию, отказавшись от поименования Орт-Монтаг, где вторая часть принадлежала ее мужу, адвокату, с которым она недавно развелась. У Терри на руках два факта. Первый – Мэгги хорошо сохранилась, второй – разрыв отношений плюс тяжелая утрата равно двойная уязвимость. Возможно, у него получится вернуть себе прежнюю Мэгги, смущенную девчонку из Брумхауза, вместо той прилизанной, самореализовавшейся деловой женщины, в которую она превратилась. Эта мысль его возбуждает.

Почти в ту же секунду Терри замечает, что Мэгги стоит возле надгробия с большим кельтским крестом и разговаривает с какой-то группой родственников, на ней унылый темный костюм, и она легонько затягивается сигаретой. Очень даже, думает про себя Терри, слизывая с верхней губы слой выкристаллизовавшейся соли. Он встречается с Мэгги глазами и вначале пускает в ход слабую улыбку, а затем печальный кивок, выражающий соболезнование.

К Терри подкатывает Стиви Коннолли, сын Алека. Стиви – жилистый парень с вечным полувозмущенным выражением лица, которое он унаследовал от отца.

– Ты, что ли, батю моего нашел?

– Ага. Тихая типа смерть.

– Ты был его дружкой, – с упреком произносит Стиви.

Терри помнит, что отец с сыном никогда не были близки, и в чем-то ему сочувствует, поскольку и сам находится в похожем положении, но не знает, как реагировать на заявление Стиви.

– Ну, окнами вместе занимались, – вежливо отвечает он и вспоминает еще одну насыщенную событиями главу своей жизни.

Сомневающийся хмурый взгляд Стиви, кажется, говорит: «Ага, и гребаным домушничеством», но, прежде чем он успевает озвучить эту мысль, над кладбищем пробегает рябь из голосов и знаков, призывающих скорбящих медленно собраться вокруг могилы. Священник (Терри мысленно благодарит Алека за то, что, будучи католиком, он все же завещал, чтобы его похороны были как можно более краткими и светскими, а это значит – по канону пресвитерианской церкви Шотландии) отпускает несколько бессодержательных реплик, в основном о том, каким общительным был Алек и как ему не хватало его любимой Терезы, которую у него жестоко забрали. Теперь они наконец-то будут вместе не просто в символической форме, а навечно.

Поют псалмы, и священник самоотверженно пытается поддержать энтузиазм лишенного церковной акустики и, вероятно, самого слабого и робкого хора в истории христианского мира. Затем небольшую речь произносит Стиви. Ему едва удастся скрыть свое отвращение к Алеку, учитывая роль, которую он сыграл в смерти его матери, после чего он приглашает желающих произнести речь, подняться к микрофону. Повисает нервная пауза, и начинается тщательное исследование мокрой травы под ногами.

Наконец, после недолгих уговоров сына и племянницы Алека, Терри поднимается и встает на ящик за микрофоном. Он смотрит на море лиц перед собой и изображает обаятельную, как ему кажется, улыбку. Затем он постукивает по микрофону, как это делали стендап-комики на выступлениях во время Эдинбургского фестиваля экспериментальных театров.

– Когда Алек получил результаты анализов и понял, что дороги назад нет, он пустился в эпический запой и вылакал половину запасов со склада местного «Лидла»! Уж такой это был человек, – громогласно выдает Терри, предвкушая взрыв хохота.

Но собравшиеся вокруг могилы в основном молчат. Те немногие, кто все же решается как-то отреагировать, разделяются на издающих сдавленные смешки и задыхающихся от ужаса. Мэгги сочувственно качает головой и смотрит на Стиви, который сверкает побелевшими костяшками пальцев и со свистом процеживает сквозь стиснутые зубы:

– Он думает, что это, сука, речь шафера на свадьбе какого-нибудь забулдыги!

Терри решает не сдаваться и продолжает поверх усиливающегося недовольного ропота:

– Ну а потом он решил засунуть голову в духовку. Но Алек есть Алек, – хрипит Терри, – этот пиздюк так нажрался, что перепутал духовку с холодильником. Простите за мой французский, но так и было. И вот полез он, значит, в этот морозильный отсек, но не смог впихнуть туда свой сраный котелок из-за корзины с чипсами «Маккейн» и засунул голову в пластиковый ящик по соседству, а потом заблевал его нахрен! – Смех Терри прокатывается по холодному,

промозглому кладбищу. – Будь это, сука, кто-нибудь другой, можно было бы свалить все на таблетки, но это же был Алек!

Стиви вслушивается, морщит лицо, у него начинается приступ удушья. Он смотрит на Мэгги и других родственников, словно взывая о помощи.

– Что он несет? А? Что вообще происходит?

Но балом правит Терри, ветер взметает его кудряшки, его несет на всех парах, и ему уже нет дела до реакции присутствующих.

– В общем, дверца была открыта, но ночь выдалась такая холодная, что, когда я нашел его утром, башка его, сука, уже вмерзла в глыбу замороженной блевотины, от подбородка до самого загривка. Не знаю почему, но вместе с его головой туда вмерзло яблоко. Как-будто, прежде чем откинуться, он пытался поймать его зубами! Но Алек есть Алек, да! – Терри замолкает. Раздаются неодобрительные возгласы, некоторые качают головой. Терри бросает взгляд на Стиви, которого удерживает Мэгги, крепко вцепившись ему в руку. – В общем, тот еще алканавт! Но я рад, что его хоронят рядом с его любимой Терезой... – говорит Терри и указывает на соседнюю могилу. Затем его внимание привлекает островок травы между ними. – А вот здесь лежит та самая фритюрница, прямо между ними, – произносит он с каменным лицом, вызывая приступы гадливости и едва сдерживаемый гогот. – Короче, я на этом заканчиваю. Увидимся за стаканчиком в пивной, почтим, так сказать, память. – И Терри спрыгивает в толпу, которая расходится перед ним, как перед зачумленным.

Оставшаяся часть службы проходит без происшествий, хотя некоторые и пускают слезу, когда из покосившегося музыкального центра доносится неизменная «Sunshine on Leith»², пока гроб опускают в землю. Терри слишком замерз, чтобы ждать заключительной молитвы. Он волочит ноги к выходу и направляется в сторону паба «Виновница Лили», где пройдут поминки. Он первым добирается до пивной и наслаждается теплом помещения после ветреного и промозглого дня на улице. Еще нет и четырех, а за окном уже крошечная тьма. Хмурая женщина за барной стойкой указывает на два покрытых белой скатертью стола, один из которых ломится от бокалов с пивом, виски и вином, а другой заставлен неизменными поминальными закусками: сосисками в тесте и сэндвичами с сыром и ветчиной. Терри сворачивает в туалет, чтобы взбодриться дорожкой, после чего возвращается и берет бутылку пива. Пока он устраивается у стойки, в паб строем входят скорбящие. Терри не сводит глаз с Мэгги и поэтому не замечает недовольства на лице Стиви. Мэгги изящно подходит к большому камину у дальней стены, и Терри пытается угадать, сколько пройдет времени, прежде чем Мэгги подсядет к нему.

Утешая и успокаивая едва сдерживающего себя Стиви, Мэгги отводит его подальше от Терри, в надежде, что он остынет. Когда она бросает взгляд на Терри, перед ней встают их первые свидания и то, как она (напрасно, как она теперь понимает) предпочла его милому и успешному Карлу Юарту, который был так безнадежно в нее влюблен. Но в Терри была эта напыщенная самоуверенность, которая, разумеется, никуда не делась. И, нужно отдать ему должное, сидя в своей дерзкой манере за барной стойкой, выглядит он отлично. Он определенно следит за собой и каким-то невероятным образом сохранил копну неуправляемых кудряшек. Кажется, они ничуть не истончились и даже не поредели, хотя, подозревает Мэгги, Терри и проходит по ним оттеночным шампунем.

Теперь Мэгги, притворившись, что всматривается в темноту за высоким окном, бросает незаметный взгляд на свое отражение. В молодости ее миниатюрное тело и грудь никогда не доставляли ей особой радости, но стоило подобраться к пятому десятку, и Мэгги возблагодарила судьбу. Прожорливым силам гравитации негде было разгуляться, а любое возможное обвисание Мэгги пресекла жестким режимом из четырех тренировок в спортзале каждую

² «Солнце над Литом» – композиция группы *The Proclaimers*, исполняемая перед матчами ФК «Хиберниан».

неделю, одержимостью здоровым питанием и строгой дисциплиной умеренных порций. Кроме того, Мэгги трудно пройти мимо спа-салона, и она никогда не отказывает себе в профессиональных средствах ухода за кожей и отшелушивающих процедурах. Зачастую ее действительно принимают за старшую сестру собственной дочери, что является главным предметом тихой гордости этой эльфийки.

Мэгги поворачивается и видит, что Терри поймал ее долгий, оценивающий свое отражение взгляд. Ее сердце уходит в пятки, потому что Терри расплывается в улыбке, и вот уже он идет к ней, нравоучительно покачивая пальцем.

– Ага, подловил, смотрела на свое отражение! Но я тебя не виню, мне тоже нравится то, что я вижу перед собой!

Мэгги чувствует, как невидимая рука растягивает ее лицо в улыбке.

– Что ж, ты тоже неплохо выглядишь, Терри.

– Стараюсь, конечно, ага. – Терри вычурно подмигивает.

Он не изменился, думает Мэгги. Он вообще не меняется.

Она оглядывается на камин. У Стиви в руках стакан виски, и он благодарит каких-то пожилых гостей за то, что они пришли.

– Как поживаешь? – спрашивает Терри и, прежде чем Мэгги успевает ему что-нибудь рассказать, отвечает вместо нее: – Большие перемены, развод, девчушка уехала учиться в колледж, – по крайней мере, так говорят.

– Ну что ж, у тебя безупречные источники. – Мэгги подносит ко рту бокал с виски.

– Осталась совсем одна, – сияет Терри, произнося это с утвердительной интонацией.

Мэгги отвечает так, словно это был вопрос:

– С чего ты взял, что я осталась совсем одна?

– А, так у тебя есть новый дружок? Вот счастливчик! Говорю без всяких!

– Этого я тоже не говорила.

– Тогда как же?

– Это моя жизнь, и тебя она не касается!

Терри разводит руками:

– Ну приехали! Неужели я не могу утешить старую подругу в трудную минуту?

Мэгги уже собирается парировать, что попытка Терри провести сеанс группового утешения на похоронах едва не сделала его изгоем, но в этот момент к ним сквозь толпу с жадной расправы в глазах несется Стиви.

– Что все это значило? Эта речь, – с вытаращенными от бешенства глазами наезжает он на Терри.

– Это был тонкий баланс, – кивает Терри и, кажется, даже не замечает, что Стиви кипит от злости. – Я хотел, чтобы речь была достойной Алека и в то же время примирила семью с утратой. – Он самодовольно кивает. – Не хочу показаться нескромным, но, по-моему, я справился. – Терри достает свой телефон и начинает листать фотографии. – Я немного пофоткал на мобильник, типа как у этого хера, Дэмьена Херста. Зацени. – И он тыкает экраном в лицо Стиви.

Стиви никогда не был близок с Алеком, но смотреть на голову отца, вмерзшую в глыбу льда, с желтой блевотиной, тянущейся изо рта, – это уже слишком.

– Я не хочу на это смотреть! Проваливай отсюда к хуям собачим!

– Да ладно, приятель! Примирение!

Стиви бросается на Терри, чтобы выхватить телефон, но Терри толкает его в грудь, и Стиви, спотыкаясь, пятится.

– Перестань, чувак, хватит устраивать представление... Это день Алека, вообще-то... – предупреждает Терри.

– НАХУЙ... ИДИ НАХУЙ, ЛОУСОН! – запинаясь Стиви, пока двое родственников берут его под руки и оттаскивают в сторону. – Сукин, блядь, сын, ненормальный... да вы посмотрите, что у него в телефоооооне... – Голос Стиви достигает предельной громкости, он протестует, но его отводят в другой конец помещения.

Терри оборачивается к Мэгги:

– Стараешься примирить этих долбоебов, семью то есть, с утратой, и никакой, сука, благодарности!

– Ты сумасшедший, – произносит Мэгги, и это не комплимент, она не верит своим глазам. – Ты не изменился!

– Все по-честному, – с гордостью произносит Терри, но Мэгги уносится в другой конец паба, чтобы утешить двоюродного брата.

Она всегда была высокомерной телочкой, думает Терри. К тому же Стиви никогда не ладил с Алеком, что за лицемерие, корчит из себя скорбящего сына!

На этот раз взгляд Терри поймал Пуф и теперь направляется к нему. Пуф редко надевает что-то, кроме дорогих дизайнерских костюмов и расстегнутых рубашек, при этом вид у него всегда слегка замусоленный. Словно он проспал в одежде всю ночь и его только что привели в чувства. Это впечатление усиливается тем, что Пуф почти слеп, и его постоянно сощуренные, как у крота, глаза дополняют его сонный видок. Для человека, которому насилие доставляет патологическое наслаждение, он невероятно опаслив во всем, что касается его глаз. О лазерной коррекции не может быть и речи, он не решается даже вставить контактные линзы. Кроме того, Пуф страдает от чрезмерного потоотделения, поэтому его одежда скоро начинает выглядеть неопрятно. Он довел до отчаяния лучших портных Эдинбурга (и даже Лондона); как бы они ни старались, проходят три-четыре часа – и из щеголя он превращается в неряху. Молодой подручный Пуфа, чье лицо сделано из одних острых углов, стоит, прислонившись спиной к кирпичной колонне в центре паба, держит в одной руке выпивку и украдкой осматривает женщин из тех, что помоложе.

Терри поворачивается к Пуфу. Он вспоминает, как в семидесятые в старшей школе Форрестера всех подряд обзывали «пуфом». Тогда только «задрот» мог сравниться с «пуфом» в расхожести среди оскорблений. Но Пуф был пуфом с большой буквы. На него без конца наезжали, но, вместо того чтобы шаблонно поквитаться с миром, став копом, Пуф пошел против течения и стал гангстером номер один.

Конечно же, Терри знает, что Пуф не гомосексуалист, как подразумевает кличка, и лишь немногие все еще пользуются этим старым школьным прозвищем. Теперь использовать его стало опасно, ведь Пуф добился своего положения благодаря тому, что был хитрым и злобным ублюдком. Но в сознании Терри какая-то часть Виктора Сайма навсегда останется тем маленьким тупым говнюком в коричневом пальто с капюшоном, у которого он на каждой перемене отбирал сдобную булочку и чипсы возле фургончика с выпечкой.

Пуф переломил ситуацию, когда взял и набросился с заточенной отверткой на Эвана Барксдейла. Барксдейл был громилой: вместе со своим братом-близнецом Крейгом он систематически и неустанно травил Пуфа, что и толкнуло того на яростное, безумное кровопролитие. В результате мир и сам Виктор Сайм немедленно пересмотрели расстановку сил на улице. Эван Барксдейл пошел по стопам доктора Франкенштейна и, сам того не понимая, создал монстра, существенно более опасного, чем те чудовища, которыми они сами с братом мечтали стать. Разумеется, после этого случая Пуфу еще предстоит пройти через горечь и боль на своем высланном насилием пути прозрения, но гонения со стороны Барксдейла стали для него хорошей школой; все остальное не шло ни в какое сравнение с теми психологическими пытками, через которые он прошел за годы учебы.

Ягодицы Терри непроизвольно сжимаются при приближении Пуфа. Попахивает неприятностями. Терри уже имел дело с Пуфом, он доставлял кокаин морякам на военно-морской

базе в Хеленсбурге, пока система безопасности не закрутила гайки и работа не стала слишком опасной.

– Терри... – Знакомое капустное зловоние атакует его.

– Прости, Вик. Я поразмыслил и понял, что взял дурной тон... в смысле, для речи, – уступает Терри, снова отыскивая глазами молодого пособника Пуфа.

– Да ни хрена подобного! Блестящая речь! Просто у кого-то нет чувства юмора, – мотает головой Пуф. – Алек смеялся бы до усрачки. Это был его день, а не их. – И Пуф презрительно ухмыляется, с упреком глядя на скорбящую семью.

У Терри свалилась гора с плеч, и он так этому рад, что оставляет свою оборонительную позицию и проявляет куда большую восприимчивость к речи Пуфа, чем обычно.

– Слушай. Сделай мне одно маленькое одолжение. Я ненадолго улетаю в Испанию, на пару-тройку недель – может, чуть дольше. – Пуф понижает голос: – Между нами говоря, здесь сейчас немного жарковато. Нужно, чтобы ты присмотрел за сауной. «Досуг» на Лит-уок.

Если до этого Терри еще вяло кивал головой, то теперь он чувствует, как его подбородок медленно застывает в неподвижности.

– Э, вообще-то, я мало что знаю о саунах...

– Нечего там знать, – пренебрежительно машет покрытой кольцами рукой Пуф. – К тому же я слышал, что ты все еще промышляешь порнушкой вместе с этим придурком, как его там, ну, тот, что в Лондоне?

– Больной, да. Время от времени. Так, просто маленькое хобби. Ничего серьезного на самом деле.

Пуф приподнимает в сомнении бровь.

– Просто заглядывай туда пару раз в неделю. – Пуф смотрит на своего молодого подпевалу, как тот укладывает сэндвич и сосиску в тесте на бумажную тарелку. – И возьми этого долбаного маленького говнюка, Кельвина, он младший брат моей жены, трахает по-тихому всех шустрых шлюшек... а может, и не по-тихому. – Лицо Пуфа сморщивается в улыбке. – Протренируйся, чтобы как следует размыкались только губы нижнего этажа, а верхние были на замке!

Терри понимает, что должен ответить на это заговорщицким смешком, но вместо этого его лицо стекает на пол. Вся эта возня ему ни к чему.

Пуф слишком хитер, чтобы не понимать: угрозы – последнее прибежище для того, кто хочет заручиться чужим согласием, вначале же всегда лучше заслужить симпатию и доверие.

– Разумеется, для тебя все перепихоны бесплатно, за счет заведения. В качестве бонуса типа.

– Все по-честному, – произносит Терри, не в силах остановить срывающиеся с губ слова, хотя в глубине души он в бешенстве. Он еще ни разу в жизни не платил за секс и говорит об этом Пуфу.

– Все мы так или иначе за него платим, – замечает Пуф.

Терри вспоминает три своих бракоразводных процесса и обвинение в сексуальном домогательстве к несовершеннолетним и не может не согласиться с этим утверждением.

– Твоя правда. Я заеду на днях.

– Я знал, что на тебя можно рассчитывать, приятель, – ликует Пуф и достаточно сильно бьет Терри в плечо. – Кельвин! – зовет он подручного, тот оборачивается, как собака на ультразвуковой свисток, и бежит к ним вприпрыжку.

– Терри, это Кельвин. Кел, Терри будет помогать тебе в «Досуге», пока меня нет.

– Я же сказал – мне не нужен...

– Разговор окончен, – отклоняет его возражения Пуф. – Будь вежливым, – предупреждает он.

Кельвин обдумывает услышанное, прежде чем удостоить Терри короткого, солдатского кивка, на который Терри отвечает в такой же сдержанной манере. Пуф, почувствовав царящее

настроение, пытается привнести в разговор непринужденность и вставляет несколько бессмысленных замечаний о футболе. Терри и раньше мечтал вырваться на свободу, но теперь он уже решительно намерен это сделать. Он любит футбол, смотрит трансляции и по-прежнему ходит иногда на игры «Хибз», но считает пустопорожние разговоры на эту тему совершенного бессмысленными. Терри извиняется и, решив, что пора налаживать мосты, уходит искать Мэгги. Она в одиночестве сидит за барной стойкой, пьет виски и кажется погруженной в глубокую задумчивость. Терри берет стакан со стола и протягивает его Мэгги.

– За друзей, которых с нами нет?

Она неохотно чокается.

– Прости за это выступление. Просто я думал, что Алек чего-то такого и хотел бы.

– Да, ты не подумал, чего хотел бы мой брат?!

Терри счастлив видеть, что алкоголь смахнул с Мэгги профессиональную выправку и к ней прямиком из Брумхауза вернулись ее прежние манеры.

– Согласен, я был не прав. Об этом я не подумал, – кивает Терри.

Но по правде говоря, его речь была отчасти и задумана как пинок под зад ее кузену. Да, Алек действительно был алкашом, но сердце у него было доброе, чего не скажешь об отце Терри, а Стиви этого никогда не ценил.

– Вы с ним дружили, – говорит Мэгги.

– Он был одним из лучших, и мы долгие годы были не разлей вода, – соглашается Терри, и его лицо принимает дразнящее выражение. – А ты помнишь, как мы с ним познакомились? Благодаря тебе!

Несмотря на румянец от выпитого виски, Мэгги краснеет еще сильнее.

– Ага... – произносит она как раз с той долей заигрывания, которая нужна Терри, чтобы почувствовать воодушевление, и для него воскресает юная, знакомая ему Мэгги.

Пару бокалов спустя они вместе уходят из паба и идут по Ньюхейвен-роуд. На улице сыро и холодно, вокруг ни единого такси. Они решают попытать удачу и дойти до Ферри-роуд, но и там нет ничего, кроме тяжелых грузовиков, грозно несущихся мимо них в сторону доков. Терри чувствует, что если у Мэгги и был какой-то запал, то теперь он быстро проходит, однако, на его счастье, появляется такси с Клиффом Блейдсом, собутыльником Терри из таксопарка в Паудерхолле, за рулем.

– Запрыгивай, Терри! – радостно стрекочет с английским акцентом Блейдс, но потом замечает настрой, внешний вид и то, в каком месте он подбирает своих пассажиров, и у него в голове все сходится. – А... так вы из крематория... соболезнаю. Кто-то из родных?

– Не, мы с кладбища. Дядя ее, – Терри мрачно кивает в сторону Мэгги, – и мой очень близкий друг. Мэгги, это мой приятель, Блейдси. – И он с усилием берет непринужденный тон: – Только, ради всего святого, не заводи с ним разговор о шотландском национализме.

– Шотландской независимости, – замечает Блейдси.

– Хорошо, я не стану этого делать, – чеканя слова, отвечает Мэгги.

Клифф Блейдс англичанин, но, несмотря на это, ярый сторонник независимости Шотландии, в то время как Мэгги, хотя в душе и согласна с их аргументацией, в горсовете продолжает отстаивать позицию лейбористов.

Блейдси, как известно, лишнего не сболтнет, он высаживает Терри и Мэгги возле ее дома в Крэйглисте. Терри удивлен, насколько Мэгги безудержна, как она без всяких любезностей ведет его прямо в спальню. Не думал же он, что Мэгги останется тем же целомудренным, застенчивым подростком, которой она предстала перед ним в схожей ситуации много-много лет назад? Похоже, Мэгги хочет, чтобы в нее просто хорошенько засунули твердый член и не задавали лишних вопросов. Терри слышал, что расставание с этим ее Колином затянулось и она потеряла много времени. Но теперь ее дочь в университете и Мэгги готова снова податься во все тяжкие.

И они делают это со вкусом.

Позже, когда они лежат в кровати и Терри смотрит на свои часы и гадает, сколько пройдет времени, прежде чем у него снова начнется эрекция, хотя он только что выжал из себя все, что мог (Терри ставит на три-четыре минуты), они слышат, как с первого этажа доносится звук вставленного в дверной замок ключа.

– Что... – Мэгги вынуждена прервать приятную посткоитальную дрему и сесть на кровати, – что это за?..

– В доме кто-то есть, – отвечает Терри. – Ты кого-нибудь ждешь?

– Нет, вообще-то... – Мэгги встает и надевает халат.

Терри следует ее примеру и влезает в свои серые брюки. Он привык к спортивной одежде, а от этой ткани остается странное ощущение.

Спустившись, Мэгги сразу направляется в открытую кухню-гостиную и встречает там свою дочь, Эмбер, которая готовит сэндвич.

– Что... Я думала, ты в Глазго, в университете...

– Я приехала на день рождения Лейси, ей двадцать один в эти выходные. – Эмбер быстро поднимает взгляд на мать.

– А я была на похоронах дяди Алека; я тут прилегла немного...

– Вижу, – фыркает Эмбер, заметив возникшую за спиной матери голую грудь Терри.

Мэгги разрывается. Одна ее половина против того, чтобы дочь видела ее в таком положении, в то время как вторая безуспешно пытается доказать ей, что в этом нет ничего страшного.

– Я... мы...

– Мам, мне все равно, что ты делаешь со своей жизнью. Правда. – Эмбер смотрит на Терри.

– Терри. Я... эм, я старый друг твоей мамы.

– Об этом я уже догадалась, – говорит Эмбер. Теперь ее голос изменился, и Мэгги никак не поймет, оттого ли это, что дочь не одобряет происходящего, или же ее злит, что подобная ситуация вообще могла возникнуть. – Ну, я, пожалуй, поживу у Ким, чтобы вам, ребята, было где разгуляться.

– Да ладно, я уже ухожу. У меня смена в такси, ага. Приятно было познакомиться, Скарлетт.

– Я Эмбер.

– Прости, цвет перепутал³, – широко улыбается Терри и отправляется обратно вверх по лестнице.

Через мгновение Мэгги идет за ним в спальню, где Терри уже надевает и застегивает рубашку.

– Пиздец!

– Какая хорошенькая молодая девчушка. Должен отдать тебе должное, – произносит Терри, натягивая пиджак.

Мэгги замечает блеск у него в глазах.

– Даже не вздумай!

– Да за кого ты меня принимаешь! Мне и в голову такое не приходило, – протестует Терри.

Он никогда не бывает так убедителен, как в те мгновения, когда откровенно лжет, а Мэгги, хоть и провела в горсовате всю жизнь, едва не купилась на это.

³ *Scarlet* – багряный, алый; *amber* – желтый, янтарный.

Терри звонит Блейдси, чтобы узнать, не уехал ли он еще из этого района, но у Блейдси заказ в аэропорту. Зато поблизости оказывается Толстолобый, и спустя пятнадцать минут он забирает Терри и отвозит на квартиру в Саутсайде.

Терри немедленно переодевается, после чего садится в свой кэб, чтобы развезти несколько посылок в западной части Эдинбурга, в основном по соцжилу: Брумхауз, Уэстер-Хейлиз, Сайтхилл и Саутон-Мейнс. Закончив с делами, Терри подумывает отправиться в «Свободный досуг», заведение Пуфа, но решает все же проехать мимо Галереи современного искусства в Дин-Виллидж, на случай если там тусуется какая-нибудь шикарная киска. Его останавливают две молодые девушки и залезают в кэб, Терри в восторге.

– Куда поедет, девчонки?

– В отель «Минто», – с американским акцентом отвечает одна из них.

– Будет сделано. А сами вы откуда?

– Из Штатов.

– Точно, я так и подумал, – говорит Терри. – А откуда именно?

– С Род-Айленда.

– С Род-Айленда? Скажу без всяких, – Терри резко оборачивается и подмигивает, – если все девчонки там такие же, как вы, то это место должно зваться Родеолендом!

2. Железно

Я люблю зависать на Оксфорд-стрит, потому что здесь, в Саутсайте, есть все, что нужно. Улица у нас тихая, офисным мохнаткам отсюда близко до центра, для молодых кисок неподалеку университет, здесь у меня уютная маленькая берлога, где можно фачить тёл с района. Никаких излишеств, небольшая симпатичная гостиная с широким угловым диваном, спальня с кроватью кинг-сайз и маленькая кухня со всякими протеиновыми коктейлями – я только на них, сука, и живу. Мебели в моей хате немного, я называю это минималистичным дизайнерским решением. У меня есть книжный шкаф с какими-то книжками, которые мне одолжил Рэб Биррелл, сам я не читаю, но держу, чтобы производить хорошее впечатление на студенточек. «Моби Дик», «Преступление и наказание», всякая такая херня. Пытался как-то читать этого чмошника Достоевского, но там у казлого, блядь, по пять разных имен, поэтому я забил на эту херню. И правильно, сука, сделал!

За юзаными дисками с музыкой и фильмами я хожу в «Хогс-Хэд», за бесплатным вай-фаем – в «Сазерн-Бар». Прямо за углом «Комми»⁴, купайся и держи форму, поджарый Лоусон. Да у нас в Саутсайте есть все, что нужно. В Лите нет никаких «Старбаксов», разве что в доках, возле здания соцслужб, но это уже не настоящий Лит! И маленьких кафешек у нас тоже завалилось, но я здесь особо не шляюсь по всяким кабакам, только в «Сазерн» за вай-фаем хожу.

А еще водитель такси – лучшая работа в моей гребаной жизни. Железно. Это звездный час Джуса Терри, с этим не сравнится даже развозка соков на грузовичке. Я ночная, сука, сова, кручу головой по сторонам, выглядываю в окна кэба, в любую секунду готов спикировать на заблудшую Мандовани! Да еще и платят! Все по счетчику, а счетчик не врет. Лучше всего в августе, клевое времечко – центр полон снобских телок, но и сейчас нефигово: праздники на носу, мохнатки слоняются в хлам пьяные. Да, здесь есть классные мохнатки, но проблема Шотландии в том, что у нас слишком, сука, моноэтническая страна. Брюнеток полно, есть блондинки, рыжие и шатенки, но почти все они белые. Я завидую тем, кто работает в лондонском такси; там можно хорошенько разнообразить ассортимент.

Лотиан-роуд не мое место, но там находятся «Филмхаус», «Ашер-Холл» и «Траверс» – места, где всегда можно найти роскошную мохнатку. Правда, не в этот раз; видать, концерты еще не закончились. Неожиданно начинает идти дождь, льет как из ведра, и прямо передо мной на дорогу выскакивает куча парней, они машут мне руками, но я только прибавляю газу, смотрю, как они отпрыгивают в стороны, и смеюсь, пока эти тупицы орут и проклинаят меня. Лохи меня не интересуют, мне нужны тёлы. Но я все равно решаю остановиться, просто ради прикола, посмотреть на их радостные лица, потом жду, пока они подойдут поближе, и тогда как заору: «СОСИТЕ ХУЙ, ТЕРПИЛЫ ГРЕБАНЫЕ!» После чего пулей оттуда съезжаю и наслаждаюсь их охуевшими пачками в зеркале заднего вида!

От винных баров до залов для игры в бинго, от похищения малолетних (фигурально выражаясь, конечно, правовые нормы и все такое) до погони за «скорой помощью», толстые и худые, стильные и нищие; там, где есть чем полакомиться, там я – гарцию вдоль тротуара на своем вороном, всегда готов как следует засадить в задницу!

Прошлой ночью эти американские пташки и полсекунды не ломались, так-то! Вот это результат! Конечно, в выходные меня интересуют только тёлы, ведь нет ничего лучше, чем оттянуться, помогая раскрепоститься какой-нибудь пташке. Сейчас у меня на линии снова янки, на этот раз – Ронни, придурак, которого я вчера вез, голова у него, как у того лютого динозавра, что бьет тираннозавра рогом в живот, а потом вместе с ним падает со скалы.

⁴ *Royal Commonwealth Pool*, или просто «Commie», – один из крупнейших плавательных бассейнов Шотландии, построенный в 1970 г. специально для проведения Игр Содружества.

– Мне нужно в Ист-Лотиан в ближайшие дни. Место называется Хаддингтон.
– Как два пальца обоссать, приятель. Я знаю эти края.
– Отлично, я думал поехать завтра, но, говорят, на город надвигается ураган.
– Ага, есть такое, ураган Мошонка называется.
– Это нешуточное дерьмо. Катрина снесла Новый Орлеан под ноль, а вы здесь, кажется, ни к чему подобному не готовы.

– Да ладно, чувак, ну, польет, поштормит, здесь всегда так, мы привыкли.
– Я сомневаюсь, что ты понимаешь серьезность положения, Терри.
– Не парься, чувак, отсидись в «Балморале», пока все не уляжется. Закажи обслуживание в номер. Только, если захочешь, чтобы кто-нибудь составил тебе компанию, не спрашивай ничего у этого мудака консьержа, он подсунет тебе какую-нибудь надутую шлюшку, которая обдерет тебя до нитки. Я подгоню тебе пару стреляных тёл, которые умеют веселиться, и это не будет стоить тебе ничего, кроме счета за мини-бар и пары тонн. Я знаю одну пташку, работал с ней как-то раз, она местная супергруппа, трахала всех спортсменов, актеров, футболистов и комиков, чья нога ступала на эту землю. У нее столько работы во время фестиваля, что ее прозвали Заявка Шестьдесят Девять. Она была бы счастлива поставить на стойке своей кровати зарубку с твоим именем. Без шуток.

В голосе Ронни звенит металл:

– Я думал, ты не знаешь, кто я!

Бля, пропизделся, но ничего.

– Ни в зуб ногой, пока не загуглил сегодня утром. Я проверяю всех своих клиентов на случай, если за ними числятся какие-нибудь стремные делишки. Без обид. Яйца в бизнесе нужны!

Конечно, я знал этого говнюка, с самого начала. Он немного молчит, а затем продолжает:

– Очень профессиональный подход... осторожность никогда не повредит. Но я должен попросить тебя хранить это в тайне.

– Тайна – мое второе имя, приятель. Нельзя прыгать из кровати в кровать, как дружище Джус, и не изучить значение слова на букву «Т» вдоль и поперек! Так ты хочешь познакомиться с этой мохнаткой или как?

– В этом нет необходимости. Я тебе перезвоню, – говорит он и вешает трубку, говнюк.

Но сделка, сука, вещевая, зашибаю хорошие бабки каждую неделю, а понадобится ему всего несколько раз, чтобы съездить в Хаддингтон! Интересно, что он там забыл. Ладно, это его дело. А я пока займусь своим! Время пожинать, сука, плоды!

Я проверяю телефон: туча сообщений от разных пташек – в том числе от тех двух молоденьких с Род-Айленда! Они были что надо, и главное – пиздец какие стреляные. И хотя Большой и говорит, что главное в охоте – это процесс, нельзя же постоянно париться о том, как пробить оборону. Иногда хочется просто выложить все карты на стол и сказать: вписываетесь или нет? И они вписались по полной, это точно! Жаль, свалили на материк на следующий же день.

Я пытаюсь подцепить какую-нибудь мохнатку у мостов, но ни одна пташка меня не останавливает, поэтому я подбираю другого пассажира, какого-то придурка в костюме и с дипломатом, прямого, будто аршин проглотил. На чай такой говнюк не даст.

Я начинаю думать о тёлках, в особенности тех двух – Сюзанн Принс и Иветт Брайсон, – в которых я однажды, почти десять лет назад, кончил без резинки, пока депрессовал после третьего развода. В итоге у меня на шее двое маленьких ублюдков. Но я всеми руками за то, чтобы Гийом и Рыжий Ублюдок взяли фамилии матерей. Феминизм и все такое. И заметьте, будь моя воля, я бы вставил каждой в пизду по трубке, сука, и сосал бы что твой ласковый теленок до тех пор, пока не пошла бы кровь, а потом сплюнул бы обоих ублюдков в сортир. Но тёлы захотели их оставить, поэтому маленькие ублюдки здесь, и, пока в их паспортах не значится фамилия Лоусон, я не жалеюсь. Чистая, сука, правда!

Что Сюзанн, что Иветт – обе женщины независимые, и, кажется, я уже вне опасности, но люди и обстоятельства, черт бы их побрал, постоянно меняются. Расслабляться нельзя, у Совета по защите детей длинные руки. Но до моих, сука, карманов им не добраться...

Я вернулся к Принни⁵ и теперь качу вверх на Маунд⁶. Чучело на заднем сиденье уже приготовило купюру, поэтому если я хочу понюхать чаевые, то пора начинать трепаться.

– Так и чем же ты занимаешься, приятель?

– Медициной.

– Доктор, да?

– Вроде того. Я специалист, – отвечает этот педик и смотрит в окно. – Почему мы едем этой дорогой?

– Трамваи... одностороннее движение... объезд... муниципалы... Так в чем же ты специалист? Вот взять, например, меня. Я спец в любви. Знаешь эту песню? Шерон Браун? «Я спец по любви...»⁷, знаешь ее? Нет?

– Не думаю.

Вот говнюк, все равно что кровь из камня выдавливать.

– Так на чем же ты специализируешься, приятель?

– Гинекология.

– Гине-ох-бля... вот дерьмо! – Я едва не проскакиваю на красный свет, пока оборачиваюсь на этого парня; он вылетает вперед со своего сиденья. Хорошо, что он пристегнулся, иначе бы его как фарш выдавило через глазок в разделительном стекле и он лежал бы у меня на коленях! – Прости, дружище... но я тут подумал, что ты наверняка видел даже больше мохнаток, чем я! Тебе, случайно, не нужен помощник, а?

Парень садиться обратно на сиденье:

– Не думаю, что...

– Слушай, приятель, я знаю, как обращаться с мохнатками! Сразу тебе говорю! Я, может быть, и не в курсе всех этих технических терминов, как ты, но я знаю: стоит только нажать эту кнопку – и БАМ! Поехали! Засаживаешь в дырку – и ТРАХ! Ах ты, гондон! – Нас пытаются подрезать грузовик, пока мы с грохотом несемся в сторону Кэмерон-Толл.

– Спасибо. Я не забуду этот бесценный совет, – говорит парень, и в следующую секунду у меня звонит мобильник, и в этом не было бы ничего необычного, если бы не имя ПУФ на дисплее. Я не поднимаю трубку, но, пожалуй, стоит поскорее добраться до сауны этого придурка и посмотреть, что там к чему.

Мне не по душе эта работенка, потому что стоит кому-нибудь хотя бы раз назвать тебя преступником, как преступления начинают сами тебя находить. Я не гангстер, не профессиональный вор и не наркоторговец, но я никогда не смотрю дареному коню в зубы. Если кто-то предлагает тебе маленькую сделку и она выглядит привлекательной, то почему нет. Но есть бездельники, которые приходят и расписывают самые что ни на есть бессмысленные, бредовые и гиблые предприятия просто потому, что они ищут, чем бы заняться, ищут приключений. Я отвечаю таким придуркам – вежливо, конечно: отъебись. Торговля наркотой – это большой риск и куча возни за копейки. Бомбить скучно, а порнушка – просто приятный небольшой приработок в свое удовольствие, но на него нельзя рассчитывать. Когда у меня есть выбор, я могу подсобить Коннору, но только не Тайрону или Пуфу. Присматривать за шлюхами и сутенерами, уж простите, не в моем вкусе.

– А вот и больница, можете просто остановить здесь, – доносится голос с заднего сиденья.

⁵ *Prinny* – прозвище Георга IV, короля Великобритании и королевства Ганновер. Его именем названа одна из улиц в центре Эдинбурга.

⁶ *Mound* – искусственный холм в центре Эдинбурга, соединяющий Старый город с Новым; насыпан в XVIII в.

⁷ «I Specialise in Love» – песня ритм-энд-блюз- и соул-певицы Шерон Браун, хит 1982 г.

– Не вопрос. Опять идешь посмотреть на мохнаток, чувак?

– Вроде того.

– Работа не из простых, но кто-то ведь должен этим заниматься! Так подумаешь, а ведь я видел уже кучу мохнаток на заднем сиденье этого кэба. Правда, обычно это не те, что ходят к тебе, верно, приятель?

– Да, наверное... Ну, спасибо вам.

– Расскажу еще одну вещь, приятель, насчет технической стороны дела. Ты же знаешь, что у эскимосов типа миллион слов для обозначения снега, так вот у вас, гинекологов, наверняка столько же для мохнаток, да? Готов поспорить, что так, – заливаюсь я, проворачивая старый трюк: держу двери закрытыми, пока не появится кошелек, да еще и балаболу без конца! И тогда чувак платит как надо; успех! Такой гондон никогда не даст на чай, если сидеть как чмо с кислой рожей. Этот тухлый придурок, Толстолобый, всегда ноет насчет чаевых. Да потому, что ты чмо с кислой рожей, говорю.

Но этот паренек раскошелился и, кажется, даже заинтересовался.

– Эскимосы? Снег... Да, нужно это запомнить!

И вот я еду обратно в центр. Забираю еще немного кокоса у Рехаба Коннора и отвожу товар в Лит, к Монни. Коннор сейчас, наверное, один из главных поставщиков в городе. Сам он никогда не притрагивается. Вообще-то, официально он работает специалистом по реабилитации в Министерстве социальной защиты. Дает всем два номера телефона: один на тот случай, если ты чистый, но у тебя кризис и нужно с кем-то поговорить, а второй – если тебе нужно подогнать товар. Подмял под себя весь рынок, хитрожопый говнюк! Рассказывал мне как-то, что консультировал одного парня и тот говорит ему:

– Слушай, Коннор, это все не работает – воздержание, консультации. Мне правда нужна доза.

А Коннор отвечает:

– Без проблем, чувак, но ты должен позвонить мне на другой номер. Я забочусь о своей репутации. Нужно оставаться профессионалом.

Потом я решаю закончить на сегодня и заехать на район к моей старушке, Элис Ульрих, эта фамилия осталась у нее от покойного второго мужа, немца. Я стою на светофоре у мостов, недалеко от Театра фестивалей, и тут мне в окно стучит какой-то придурок. Наверное, я забыл выключить шашки.

– Занято, приятель, – говорю я ему.

– У вас горит знак «Свободно».

– Ну, значит, я забыл его выключить.

– По закону вы обязаны меня взять.

– Прости, чувак, я бы с удовольствием, но мне только что пришел заказ. – Я стучу по экрану. – Диспетчерская, вот. Автоматизированная.

– Да это чушь собачья!

– У меня связаны руки, приятель. Для меня не было бы большего удовольствия, чем подвезти тебя, но я раб диспетчерской. Не будешь брать заказы, которые дают, и тебя на всю ночь снимут с линии, – говорю я, а сам завожу двигатель и отъезжаю.

Я слышу, как он все еще стоит на тротуаре и продолжает нести какой-то бред про законы, с некоторыми придурками разговаривать бесполезно. В общем, я подъезжаю к светофору, сигналю какой-то брюнетке в длинном коричневом пальто, и она отвечает мне шикарной улыбкой. Приятно быть вежливым.

Итак, я еду к своей старушке в Сайтхилл. Она всегда говорит, что не выходит из дома, но, когда я к ней захожу, она стоит в пальто, шляпе и перчатках.

– Терри, сынок, не подбросишь свою старушку-мать? Я бы не стала просить, если бы не погода...

– Куда ты едешь?

– В Королевскую больницу.

Ебанный ты, сука, рот, это же на другом конце света, я только что оттуда.

– А что случилось, ты себя плохо чувствуешь?

– Нет, я в порядке, – говорит она. Потом смотрит на меня так решительно. – Если хочешь знать, я собираюсь навестить твоего отца.

Так я, сука, и знал, что здесь что-то нечисто.

– Отлично, то есть ты все подстроила, так?

– Он плох, Терри. У него рак. У него осталось мало времени.

– Тем лучше.

– Не говори так!

– Почему нет? – Я мотаю головой. – Поверить, блядь, не могу, что ты к нему едешь. Ты снова даешь ему возможность над тобой поиздеваться. Он столько лет тебя унижал.

– Но он все равно остается отцом... он твой папа и папа Ивон!

– И что он, сука, хотя бы раз для нас сделал?

Ее глаза гневно горят, и она указывает на меня пальцем:

– Даже не начинай! Что ты сделал для своих детей? У тебя их предостаточно, разбросаны там и сям, бог знает, где их только нет! Донна говорит, что уже сто лет от тебя ничего не слышала, она была здесь вчера с Кейси Линн.

– Что? Какой еще кесилин?

– Кейси Линн! Твоя внучка!

– А-а... с ребенком... – говорю я.

Вот сука, я уже и забыл, что у нашей Донны есть дочка... Я должен съездить на нее посмотреть, но никак не могу ужиться с мыслью, что я дед. Для пташек я ДЯТ: дед, которого я бы трахнула!

Она смотрит на меня этим своим говорящим взглядом:

– Ты что, до сих пор не видел ребенка, не видел свою собственную внучку, нелюдь?! Так?!

– Ну, я был немного занят...

– Ребенку почти год! Ты никчемный бездельник! Ты даже хуже, чем Генри Лоусон!

– Да пошла ты, – говорю я и просто вылетаю из дома. Старая карга может сама доехать на двух автобусах с пересадкой!

– Терри, подожди! Подожди, сынок!

Я сбегая по ступенькам и сажусь в кэб, а снаружи опять начинается ливень. Кейси Линн, что это вообще, сука, за имя такое для ребенка? На экране все то же сраное сообщение из диспетчерской. От этого придурка Джимми Маквити – Большая Лиз говорила, что сегодня он за нее.

ПАССАЖИР НА УЭСТЕР-ХЕЙЛЗ-ДРАЙВ, 23.

Я отвечаю:

ТОЛЬКО ЧТО ВЗЯЛ ПАССАЖИРА В САЙТХИЛЛЕ.

Он:

ТЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ КЭБ В ЭТОМ РАЙОНЕ.

Я:

КАКОЕ СЛОВО ИЗ «ТОЛЬКО ЧТО ВЗЯЛ ПАССАЖИРА В САЙТХИЛЛЕ» ТЕБЕ НЕ ПОНЯТНО?

После этого надоедливый говнюк затыкается. Но тут я поднимаю глаза и от злости бью кулаком в приборную панель, потому что вижу, как мать спускается по ступенькам и направляется по улице в сторону магистрали. Я объезжаю многоэтажку с другой стороны и замечаю, что она стоит рядом с временной автобусной остановкой под проливным дождем: здесь нет

теперь даже сраной крыши, спасибо этим придуркам с их гребаными трамваями. Я подъезжаю к ней и опускаю стекло:

– Мам, залезай!

– Спасибо, я автобус подожду!

– Слушай, прости! Я просто не хочу, чтобы он снова тебя унижал. Давай залезай!

Кажется, она еще какое-то время раздумывает, но затем сдается и садится в кэб.

– Возьми и докажи, что ты лучше, чем он. – И она качает пальцем, указывая на меня. – Веди себя со своими детьми так, как должен! Встречайся с Донной! Звони Джейсону! Знакомь девушек!

Я не намерен снова с ней спорить на этот счет. Я не так плох, как она меня рисует. Каждые несколько недель я звоню Джейсону в Манчестер. Мы с мамой выезжаем на окружную и едем преимущественно в тишине, пока я не высаживаю ее у больницы. Она спрашивает, не хочу ли я зайти к нему или что-нибудь передать.

– Передай ему спасибо за нихуя и пусть катится к черту.

Она уходит и идет внутрь, она явно не в духе, и все это заставляет меня задуматься. Поэтому я беру и – а, хуй с ним – звоню Сюзанн и Иветт, мамочкам малыша Гийома и Рыжего Ублюдка, и договариваюсь сходить куда-нибудь вместе. Они не могут в это поверить, но, кажется, обе счастливы.

Сначала я забираю Гийома из Ниддри-Мейнс, затем еду в пафосный Блэкфорд-Хиллс за Рыжим Ублюдком. Пока он бежит к нам по подъездной дорожке большого дома через ландшафтный садик, я вижу, как малыш Гийом думает про себя: «Почему он со своей мамой живет здесь, а мы с мамой – в вонючей трущобе?» Рыжий Ублюдок, чья красная футболка с порога кричит о, ну, скажем, рыжести маленького засранца, садится в машину, и они обмениваются вялыми приветствиями. Неразговорчивый он, этот Рыжий Ублюдок, только по сторонам все время смотрит. Наверное, у него мамкины мозги, раз голова сходится на затылке конусом, как у гребаного пришельца. Интересно, знают ли эти молокососы, что едут отрываться с Отважным Дэном?⁸

С малышом Гийомом отдельная история. Поначалу Сюзанн была уверена, что это ребенок того французского официанта. Она как-то раз трахалась с ним перед тем, как на следующую ночь ее трахнул я, но этого, сука, просто не может быть: количество спермы, которое выходит у меня из бейцалок, просто невообразимо! Спермы? Сука, да если бы она после этого встала над ведром и раздвинула ноги, я бы оклеил обоями весь ее чертов дом!

Но сперму такого качества приходится, сука, беречь, ведь пташки хотят ребенка с характером. Человеку безрезиновой эпохи, да еще с застарелыми инстинктами, нужно быть вдвойне начеку. Убедиться, что тела на взводе. Но из-за этого СПИДа и ВИЧ многие будут настаивать на резинке. Убивают, сука, все удовольствие, и это еще в лучшем случае, потому что с таким шлангом, как у меня, на то, чтобы надеть резинку, уйдет целая вечность. По мне, так это все равно что уничтожить все, чего достигли таблетки и сексуальная революция. Это вина гребаного правительства: если бы все эти сраные педики из частных школ не пилили друг друга, не было бы вообще никакого СПИДа и ВИЧ.

В общем, речь на самом деле про малыша Гийома. Не успел я очухаться после тех безумных выходных, как уже таскал и его, и Рыжего Ублюдка везде, где только можно. Поначалу я не блистал, по одежке протягивай ножки, как говорится, но я и тут нашел свой интерес и записался во все кружки для родителей-одиночек, какие только мог. Ясли, детский сад, школа – помотался как следует. Всем мамочкам-одиночкам я говорил, что мать малыша Гийома умерла при родах, а Рыжего Ублюдка я усыновил, когда его отец, мой младший брат, погиб в Афга-

⁸ *Dan Dare*, или Отважный Дэн, – герой фантастических комиксов, выходивших с 1950 г., затем компьютерных игр и телесериалов. Полковник, капитан межпланетного корабля.

нистане, а мать сторчалась. В итоге я перетрахал, наверное, полдюжины этих мамочек вдоль и поперек, одну даже затащил в порнушку, но потом дети повзрослели, стали трепаться, и все, сука, просекли схему. После этого, честно говоря, я немного потерял интерес к маленьким засранцам.

Я привел парнишек в кафе, мы допиваем сок, чтобы затем пойти на дневной сеанс в кино; куда же еще вести детей в такой холод. И тут Рыжий Ублюдок поднимает на меня свои глазенки и говорит:

– Ты любишь Гийома больше, чем меня.

Святые яйца! А чего этот маленький засранец хотел? Он давно себя в зеркале видел?

– Ну, приятель, раз уж ты такой всезнайка, у меня к тебе один вопрос. Что такое любовь? Рыжий Ублюдок выкатывает нижнюю губу:

– Ну, это... я не знаю...

– Вот вы братья, ну, то есть единокровные братья, и вы можете любить друг друга. Но не так, как мужчина любит женщину, верно?

– Да, – сразу кивают оба, и слава, блядь, богу.

Вот облегчение! Не хочу, чтобы мой сын был педиком, особенно этот рыжеволосый; засранцу и так нелегко придется, коль таким рыжим уродился!

– Так что раз уж вы разные, то и люблю я каждого по-разному, но с одинаковой силой. – И я оставляю им время немного подумать над этим.

Жаль только, что в случае с Рыжим Ублюдком «по-разному» – это «да он, сука, вообще, не мой!». В общем, я повел их смотреть этот мультфильм – «Вверх». Пиздец, я чуть, сука, не заплакал, когда этот старый ублюдок рассказывал о своей умершей жене и о том, как они хотели детей и не могли их завести! Я уже готов был сказать ему, закричать в экран: забери у меня этих маленьких говнюков, они мне не нужны! Попкорн, хот-доги, мороженое, «Твиксы» – все, блядь, что только можно, спиногрызы ебучие!

Я рад наконец-то от них избавиться, но, в общем-то, день прошел не так уж плохо. Сначала везу малыша Гийома в Ниддри-Мейнс. Пока он идет в сторону дома, его мать, Сюзанн, слегка кивает головой, а я в это время поворачиваюсь к Рыжему Ублюдку и говорю:

– Считаю, что тебе повезло жить в Блэкфорд-Хиллс. Здесь бы ты и двух минут не протянул.

– А почему Гийом и его мама такие бедные?

Что я могу на это ответить? Я просто спрашиваю у Рыжего Ублюдка, что он сам думает на этот счет, и всю дорогу до Блэкфорд-Хиллс он пытается найти ответ.

– Это потому, что у его мамы не такое хорошее образование?

– Да, возможно, это одна из причин. Но тогда встает вопрос: почему у его мамы не такое хорошее образование, как у твоей?

Маленький засранец выходит из машины, морща лоб. Я смотрю, как он поднимается по подъездной дорожке к большому дому, и под его классными черными туфлями хрустит гравий.

И вот по дороге в центр через Оксенгс я срываю куш. На остановке возле паба «Гудис» стоит пташка. Судя по виду, она уже пропустила пару стаканчиков. Она машет мне рукой, но когда я останавливаюсь – отмахивается.

– Ты будешь садиться или нет?

– Я еду в Стокбридж, но я не смогу заплатить, пока я не встречу там с приятелем, так что...

– Ладно, – улыбаюсь я, – залезай. Придумаем что-нибудь, если ты в теме.

Она всматривается в меня:

– Может, и придумаем.

Еще как в теме, и она не играет в недотрогу, когда я останавливаю машину в маленьком переулке в Марчмонте: одно из моих любимых мест.

– А ты не собираешься выключить счетчик? – спрашивает она, когда я открываю заднюю дверь.

– А, точно, привычка – вторая натура, – говорю я, пролезая в кабину. – Хорошо, что ты напомнила, потому что спешить-то нам некуда!

3. Офисная работа

Точняк, счастливый я человек! Даже не то слово «счастливый», ага, не то слово. Малыш Джонти Маккей, самый счастливый человек в мире! Это я, точно, ага, это, это про меня! У меня есть маленькая уютная квартирка в Горджи, есть моя маленькая Джинти, мой интернет на моем компьютере, DVD с фильмами и Четвертый киноканал по телику. И кроме всего, время от времени мне дают немного поработать маляром. Ага, маляром, точняк.

Если бы я мог изменить все, что захочу, я бы попросил больше малярной работы, потому что иногда я чувствую себя ужасно из-за того, что моей маленькой Джинти приходится работать уборщицей в этих офисных зданиях в центре города, да, ужасно. Но когда она приходит с работы, у нас всегда есть замороженная пицца «Финдус» и чипсы «Маккейн», которые она любит. Даже если у нее ночная смена и она приходит поздно, да, даже тогда я проверяю, чтобы ее пицца была на месте, точняк.

«Финдус».

Иногда мне кажется, что было бы суперклево, если бы я научился водить машину, как мой брат Хэнк, который водит погрузчик. Иногда Джинти говорит мне: ты не такой уж глупый, Джонти, я имею в виду, ты все время сидишь в своем интернете, ты умеешь работать на компьютере, так что ты легко мог бы научиться водить машину. Тогда Рэймонд Гиттингс смог бы дать тебе больше малярной работы!

Думаю, она права, но, по-моему, дело не в этом. Я всегда говорю, что, если бы Бог хотел, чтобы мы передвигались по земле таким образом, Он дал бы нам колеса вместо ног. Точно, так бы Он и сделал. А я простой деревенский парень из Пеникуика. Кататься на большой, красивой машине – это не для таких, как я. Точняк, Пеникуик. Хэнк все время повторяет: «Перестань говорить, что Пеникуик – деревня, Джонти, потому что это не деревня, давно уже не деревня».

Ага, но для меня это по-прежнему деревня, понимаете? Точняк, деревня. Из дома моей матери видно Пентланд-Хиллс, так что по мне, так это деревня. Деревня, ага, точняк. Два автобуса. Ага.

Но одна из лучших вещей в мире – этот интернет. Мне нравится этот клевый сайт, где учат, что делать, если начнется война. Как делать бомбы и все такое. Типа американский, ага, сайт этот, там все так смешно написано, да, точняк, точняк. Сигнальный огонь.

Я слышу, как открывается дверь и входит Джинти, она замерзла. Тогда я выключаю компьютер, потому что не хочу, чтобы она подумала, что я сидел за ним весь день. Все лицо у нее красное и измученное.

– Садись сюда к обогревателю, Джинти, – говорю я, – я приготовил тебе немного супа, не настоящего правда, а той дешевой жижи из пачки, которую заливают водой.

– Спасибо, дружище, – отвечает Джинти, – он меня четко согреет.

– Точно, четко согреет. Ага. Так я и думал. Точняк, очень хорошо согреет. А потом пицца и чипсы! «Финдус»!

И маленькая Джинти улыбается так по-доброму и говорит:

– Ты такой милашка, ты знаешь об этом?

И я типа смущаюсь, покраснел весь, а потом похлопываю свою шишечку под джинсами и говорю:

– Я знаю, что еще четко тебя согреет, Джинти, точняк, уж я-то знаю.

Но Джинти вдруг погрузилась и говорит:

– Нет, не сегодня, приятель, я ужасно устала. Я попью чаю и сразу пойду в кровать. Разве что утром, – говорит она, смотрит на компьютер, а потом снова на меня, сощутив один глаз. – Ты опять в интернете сидел?

– Ага, там такой клевый сайт, где рассказывают, что делать, если начнется война.

– Смотри у меня, только по порносайтам не лазь!

– Не, я не лазаю, не, не...

– Да шучу я, Джонти! И перепихон никуда не денется, утром все будет!

– Ага, точняк, утром, – говорю я. Я знаю, что, с тех пор как она берет эти ночные смены в офисе, ей уже не до того. Она ужасно устает на этих вечерних сменах, и неудивительно. Точняк, точняк, точняк: одни вечерние смены. Но я не волнуюсь; я просто уютно устраиваюсь в кровати рядом с маленькой Джинти и слушаю по радио звуки дождя и прогноз погоды для моря ков. А если моя шишечка твердеет, я просто начинаю тихонько ее подергивать, пока не брызнет струя этой странной штуковины, и тогда я сразу проваливаюсь в глубокий сон. А если утром Джинти заметит, что вся простыня испачкана, и спросит: «Что это такое?» – я просто отвечу: «Наверное, ты мне снилась, цыпочка». И тогда она засмеется и скажет: «Похоже, маловато я тебе даю, Джонти Маккей, похотливый маленький дьяволенок!» И тогда она за меня возьмется и будет суперклево!

Да, хорошо жить с маленькой Джинти. Джинти и Джонти, Джонти и Джинти. Иногда мы спорим о том, чье имя должно идти первым. Она скажет: Джинти и Джонти. А я отвечу: Джонти и Джинти. И мы будем долго над этим смеяться. Вот уж точно! Точняк, точняк, точняк. Долго будем смеяться. Да, точняк, ага.

4. Сладкий вкус свободы

Сегодня у меня смена в «Свободном досуге». Джонти это бы не понравилось, он тот еще маленький ханжа, но по мне, так это просто небольшой приработок, лежишь себе на спине или посасываешь что-нибудь. К тому же с некоторыми клиентами можно весело поболтать. Есть один старикашка, все предлагает мне уехать с ним на Барбадос или на юг Франции. Я ему отвечаю:

– Ага, точно, придержи лошадей, дружок, сперва скажи, сколько заплатишь. – Смеялась над ним в голос!

Я работаю в этом месте на Лит-уок, потому что здесь, в бомжовом Хибзленде, никто меня не знает, а бедный малыш Джонти думает, что я убираюсь в офисах! Скорее уж – прочищаю трубы! Он спрашивает у меня, много ли в том месте, где я работаю, девушек из Восточной Европы или из Африки, а я отвечаю:

– Да не то слово, Джонти, я там, наверное, вообще единственная девочка из Шотландии! – И он каждый раз смеется над этим, дай бог здоровья моему малышу.

Пока Вик в Испании, за местом присматривает Терри, парень с буйными кудряшками на голове. Сразу видно, что этот ублюдок Кельвин не в восторге. Но если Терри может держать его в узде, то и хорошо. Правда, говорят, что Терри и сам скользкий тип, снимает порнушку, которую потом выкладывают онлайн. Когда он заходит, Андреа заплетает косички на голове у Лей-Энн. А этот Кельвин смотрит на меня и говорит:

– Странные вы, телки, можете часами, сука, накручивать эту херню друг у дружки на голове. Как ебаные макаки.

У нас всегда от него мурашки по коже, от этого Кельвина. У него два выражения лица. Первое – это натужная ухмылка, словно он замер, вонзая в кого-то нож. А второе – тупой сердитый взгляд, словно он решает, не настучать ли на кого-нибудь. У него темные, сбритые, почти как у скинхеда, волосы и низкий лоб: клянусь, этот чувак идет против законов природы, потому что, вместо того чтобы лысеть, линия роста волос у него надвигается на лоб. Однажды волосы дойдут до черных бровей, а потом зарастут к хуям и его коварные бегающие глазки.

– Я не сексист, ничего такого, – продолжает Кельвин, – но, по-моему, это доказывает, что на эволюционной лестнице мы стоим выше вас. У нас есть другие дела помимо того, чтобы наряжать друг дружку, – говорит он, – например, раздевать вас!

– Железно, – произносит Терри, только чтобы заткнуть Кельвина. – Помнишь этого чувака, Десмонда Морриса? Голая обезьяна?⁹ У него еще был зачес на голове, и он все рассказывал о ритуалах ухода за телом. Так вот он сказал бы, что если вы плетете эту фигню вдвоем, то вы друг другу нравитесь.

– Да иди ты! – говорит Андреа.

– Эй! Не убивайте гонца! Этот парень был по телику. С зачесом!

Я смотрю на копну кудряшек у него на голове:

– Это что, парик?

– Хуя с два! На-ка подергай!

Он наклоняется ко мне, и я дергаю его за волосы.

– Очень мягкие. – Я вижу, что он уже готов что-то добавить, поэтому продолжаю: – Мягкое с одного конца, жесткое с другого, – и подмигиваю ему. – Как и должно быть, верно?

– Железно, – говорит он и широко улыбается, в то время как маленькая хитрая рожа Кельвина уже напряглась дальше некуда.

⁹ *The Naked Ape: A Zoologist's Study of the Human Animal* (1967) – популярная книга британского зоолога Десмонда Морриса, посвященная описанию поведения человека с позиций этологии.

Так или иначе, внимание Терри быстро переключается, когда входит полячка Саския! Она им всем нравится! Но мне в любом случае пора идти, моя смена закончилась, и я собираюсь встретиться с подружками, а потом поехать домой к малышу Джонти.

И вот мы сидим в баре «Хеймаркет». У Фионы Си прямая челка и немного глупая развешивающаяся в стороны прическа. Жирной шлюхой я бы ее не назвала, но она уж точно не худышка! Естественная полнота – вот доброжелательное описание. У Энджи темные кудрявые волосы, темные глаза, да и вообще она как чертова цыганка. Мы пьем водку с «Ред буллом», и я заговариваю про ребенка Сандры. Он родился с синдромом Дауна, и я говорю Энджи и Фионе Си:

– Я бы ни за что не стала воспитывать ребенка-полудурка. Нет уж, спасибо!

– Да, тебе, наверное, и малыша Джонти хватает, – произносит Фиона Си. Она тут же закрывает себе рот рукой. – Я не это имела в виду, не в том смысле, что малыши Джонти – даун! Просто иногда он немного тормозит...

Вот, блядь, стерва, я сижу и уже начинаю кипеть от злости.

– ...ты просто сама ведь рассказывала, Джинти, – Фиона Си уже почти плачет, знает, чертова шлюха, что ее пизда висит на волоске от вздрючки, – что тебе приходится все делать самой, потому что Джонти ничего не умеет! Как и мой Филлип! Поэтому я просто хотела сказать, Джинти, просто хотела сказать, что тебе ни к чему ребенок-инвалид.

Ладно, чертова сучка уже вся извелась: хрен с ней. Корова жирная!

– Если бы у меня такой из щели вылез, я бы сразу сказала акушерке, чтоб даже не начала хлопать его по спине, чтобы задышал, потому что я ни за что на свете, черт возьми, не повезу его домой!

Перед стойкой два парня. У одного из них классная задница.

– Все совсем по-другому, если ты выносила его, Джинти, чувствовала, как он рос внутри тебя, – говорит Энджи.

– Предположим.

– Поверь мне, Джинти. Когда у тебя уже был собственный ребенок... – Она совсем понижает голос: – Вы с Джонти, кстати, не собираетесь делом заняться?

Я и так только и делаю, что занимаюсь «делом», куда мне еще и ребенок?

– Тебе тридцать четыре, Джинти, – говорит Фиона Си. – Подумай о Сандре. Да, знаю, ей тридцать три, но если тыпустишь все на самотек, то наступит тот возраст, когда случаются плохие вещи. Вспомни Мойру Выкидыш.

Она была права. У Мойры восемь раз случались выкидыши – и это только те, о которых мы знали.

Энджи откидывается назад, берет стакан, шурит глаза и смотрит в окно.

– Говорят, будет настоящий ураган.

Фиона Си спрашивает:

– Типа такой, который поднимает в воздух машины и все такое?

– Это торнадо, блядь, тупая ты шлюха, – отвечает Энджи. Тут я смеюсь в голос, потому что Энджи недалеко от истины.

– Да что он может сделать, этот чертов ураган? – спрашиваю я у них. – Это просто сильный ветер, который дует в лицо. Ничего страшного, если ты не на побережье. Как там Эван Барксдейл вчера сказал? Все, что нам грозит, – это наводнение. И уж если кого-то подмочит, так бомжей из Лита и Грантона. Значит, Бог тоже джамбо!¹⁰

Фиона Си смеется, а Энджи ничего не отвечает, потому что она сраная шлюшка-хибби.

¹⁰ Речь о противостоянии двух эдинбургских футбольных клубов: «Харт оф Мидлотиан», фанаты которого зовутся джамбо, и «Хиберниан», чьи поклонники называют себя хиббиз, а соперники – презрительно – *hobos* – бомжи.

На этой ноте, пожалуй, стоит попрощаться, поэтому я ухожу домой, к моему малышу. На улице ветрено. У одной шикарно одетой коровы вроде тех, что ходят в «Дженнерз»¹¹, срывает ветром шляпу, и она бежит за ней, но так медленно и нелепо, что только выставляет себя полной душой. Надеюсь, я умру раньше, чем стану такой же старой, как она.

¹¹ *Jenners* – старейший в Шотландии универмаг одежды.

5. Джонти и плохая погода

Несколько лет назад Джонти Маккей от нечего делать крутил ручку радиоприемника и случайно наткнулся на прогноз погоды для моряков. Он обнаружил, что, слушая, как хлещет дождь и свистит искусственный ветер, он проваливается в сон. С тех пор Джонти любит засыпать в наушниках, свернувшись калачиком вокруг Джинти и представляя, что он на корабле, который подбрасывают высокие волны, и хлещут пронизывающие ветра.

Привычку Джонти непроизвольно замирать с выражением благоговейного страха на лице в Джонти воспитал его отец, Генри, с помощью регулярных подзатыльников. Это наказание применялось каждый раз, когда Генри находил мальчика стоящим с отвисшей челюстью, того и гляди муха залетит. Урок был так хорошо усвоен, что, когда Генри съехал и его место занял Билли Маккей, отчиму не пришлось снова прибегать к этому наказанию, даже если такое желание у него и было. Эти систематические избиения приучили Джонти держать губы плотно сжатыми. Он начал лысеть у висков и на макушке, и его волосы истончились, едва ему исполнилось двадцать. В сочетании с плотно сжатым ртом и выпученными глазами вид у него получался озадаченный и сосредоточенный одновременно, даже немного профессорский. Зачастую незнакомые люди начинали разговаривать с ним как с чудаковатым мудрецом-пророком.

Джонти слышал новости о приближающемся к восточному побережью Шотландии шторме. Затем его вдруг повысили до статуса урагана. Дело плохо. В Шотландии не бывает ураганов.

Может быть, нам помогут англичане, беспокоило подумал он. Точно, англичане не позволят, чтобы с нами случилось что-то плохое. И он продолжил исследовать этот вопрос в интернете, но то, что он узнал, лишь усилило его беспокойство.

Джонти выяснил, что люди уже прозвали ураган нехорошим именем. Ураган Мошонка. Вот в чем проблема Шотландии, подумал он. Люди постоянно надо всем глумятся. Они смеются над этим несчастным ураганом так же, как они смеялись над Джонти в «Пабе без названия». Они словно издеваются над природой, над Богом. Сами напросились. Хорошо, что у нас есть англичане, они о нас позаботятся, подумал Джонти. Англичане никогда не стали бы дразнить ураган.

Передают выпуск новостей.

В свете надвигающегося на Шотландию урагана Мошонка совет, который представитель шотландского правительства, Алан Макгилл, дал шотландцам («просто укройтесь на время шторма в ближайшей пивной»), был назван безответственным. Мэтью Уайатт из влиятельной группы КУКиШ, «Конец Угнетению Курильщиков из Шотландии»¹², заявил, что такой совет подвергает опасности шотландских курильщиков. «Намек правительства ясен – шотландские курильщики снова подвергаются дискриминации. Они предпочли бы отправиться домой, где смогли бы выпить и покурить в комфортных условиях, вместо того чтобы бросать вызов стихии и выходить на улицу, чтобы, рискуя жизнью, урвать затяжку». Однако сегодня Алан Макгилл заявил, что это была спонтанная реплика, что ее не стоит воспринимать всерьез...

Джонти напуган. Он волнуется за Джинти, которая сейчас на улице. Он заходит в интернет, на тот сайт, который ему нравится, «Лицом к лицу с будущим», сайт американских выживальщиков. Он не знает, кто такие выживальщики, но звучит классно. Все хотят выжить.

¹² В оригинале – *EROSS, End Repression of Scotland's Smokers*, дословно: «Остановите репрессии против шотландских курильщиков».

Часть вторая. Ураган мошонка

6. Блицсвидания

Джус Терри встал пораньше, чтобы провести девчонок в «Свободном досуге». В диспетчерской снова Большая Лиз, а это значит, что никто не будет доставать его ненужными заказами. Экран говорит, что началась ее смена.

Я ТЕБЯ ЗАПЕЛЕНГОВАЛА ПО СПУТНИКУ ЛЮБВИ¹³.

Терри пишет в ответ:

У МЕНЯ ЗДЕСЬ БОЛЬШАЯ РАКЕТА И ПАРА АСТЕРОИДОВ ПО БОКАМ.

Лиз находится:

ТАЩИ ИХ НА МОЮ ОРБИТУ.

Терри вспоминает *Joy Division* и пишет:

ОНА ОПЯТЬ ПОТЕРЯЛА УПРАВЛЕНИЕ!¹⁴

Лиз сразу же находит ему пассажира возле шотландского парламента, которого нужно отвезти в аэропорт. В такую рань Терри без проблем подберет еще одного на пути обратно в город. Как и большинство шотландских парламентариев, этот оказывается толстым и румяным. У них там настоящая кормушка; исследование показало, что после избрания в британский парламент среднестатистический Ч. П.¹⁵ из Шотландии прибавляет в весе полтора десятка килограммов за первый год.

– Так ты, значит, в парламенте работаешь, приятель?

– Да.

– Ч. П.?

– Ч. П. Ш., парламент Шотландии.

– Парня из нашего Южного округа поперли за то, что он привел шлюшек в свой офис в Вестминстерском дворце, – говорит Терри и, прикрыв один глаз, оборачивается. – Надеюсь, вы там в Холируде ничем таким не промышляете!

– Нет... по крайней мере, я ни о чем таком не слышал!

– Ага, смотри не вляпайся. Прости, конечно, но, если бы у меня была возможность, я бы давно уже был в Вестминстере. И окунулся в парламентские дразги, спросишь ты? Тоже верно, – смеется Терри, игриво протирая приборный щиток. – Ну так я ведь говорю про палату лордов, а не про общинников, чувак, потому что я, так сказать, эксперт по пропихиванию больших и толстых, смачных таких законодательных актов через вторую палату, если ты понимаешь, о чем я.

Ч. П. Ш. издает смешок, и Терри решает, что день обещает быть удачным. Большая Лиз из диспетчерской снова вещает со своего спутника и находит в аэропорту бизнесмена, которого Терри отвозит в финансовый центр, после чего отправляется в «Свободный досуг».

Обычно такой общительный в женской компании, Терри чувствует себя странным образом неуверенно, когда переступает порог подпольного офиса, притулившегося в подвале жилого дома на неприметной улице возле Лит-уок. Несмотря на отсутствие каких бы то ни было угрызений совести по поводу своей скромной вовлеченности в порноиндустрию (вместе

¹³ Спутник любви («Satellite of Love») – песня Лу Риды с альбома «Transformer» (1972).

¹⁴ «Она потеряла контроль» («She's Lost Control») – песня группы *Joy Division* с альбома «Unknown Pleasures» (1980).

¹⁵ Член парламента.

с другом, Больным, они сняли около тридцати фильмов различного качества, во многих из которых Терри исполнил главную роль), проституция всегда вызывала у него чувство тревоги.

Все из-за мужчин.

Клиенты приходят в любое время. Больше всего Терри удивляют офисные сотрудники, которые приезжают пораньше, чтобы перед работой успеть на сеанс с любимой девочкой. Многие из них молоды, их сексуальная жизнь разрушена маленькими детьми и постродовой депрессией их жен, но они не хотят лишней мороки с интрижкой в офисе. Терри пытается понять их, наблюдает за тем, как они приходят и уходят, одни с трусливым чувством вины на лице, другие с самодовольной надменностью. Однако открыто демонстрировать пренебрежение к клиентам нельзя, думает Терри, это плохо сказывается на бизнесе, и весть об этом может дойти до Пуфа. А вот Кельвину, кажется, на них плевать, и только Терри улавливает его недобрый вайб.

Терри размышляет о том, что это, в общем-то, неизбежно, учитывая ту толком не оговоренную, но смутно угадываемую роль надзирателя, которую определил для него Пуф, внеся тем самым конфликт и недоверие в его отношения с Кельвином. С тех пор как девочки поняли: Терри здесь для того, чтобы наблюдать за ненавистным Кельвином, – они ведут себя спокойно, попивают с Терри чай и смеются.

Кельвин сегодня особенно резок, и на попытки примирения отвечает грубо и односложно, поэтому, несмотря на приятное женское общество, Терри рад поскорее вернуться в свой кэб.

На улице холодный, ветреный день, и Эдинбург готовится к первому официально объявленному урагану в своей истории, который должен обрушиться на город этим вечером. Для многих приготовления сводятся к выбору наиболее подходящего для долгих посиделок паба, поэтому город уже пуст. Терри подбирает пару пассажиров, затем несколько посылок от своего поставщика, Рехаба Коннора, в Инверлите и отгружает их клиентам в Марчмонте и Сайтхилле.

В центр города Терри возвращается только после полудня. Он находит свой любимый подпольный бар «Циссизм» в Новом городе и оставляет кэб на мощеной дороге. Внутри заведение освещено слабо и набито профессионалами, у которых нет лишнего времени. Терри берет номерок, Б37, вроде тех, что выдают в государственных учреждениях. Он занимает стратегическую позицию у бара и, потягивая свежавыжатый апельсиновый сок, рассматривает море занятых столов. Когда загорается его номер, Терри неторопливо подходит к цветущего вида брюнетке и садится напротив. Он уже решил, как разыграет эту партию.

– Привет, я Валда, – говорит она, широко улыбаясь.

– Терри. Приятно познакомиться, Валда. Послушай, я хочу сразу выложить все карты на стол, – улыбается он и дугой выгибает шаловливую бровь; Валда смотрит на него с напускным безразличием, но Терри кажется, что он видит легкое мерцание в ее левом глазу. – Важной частью любых отношений является секс, и сейчас меня прежде всего интересует именно он. У меня член как у коня из угольной шахты, который даже жеребенком не стеснялся своей морковки, а язык у меня такой, что мне даже чертова соломинка не нужна, чтобы добраться до дна стакана с молочным коктейлем, если ты понимаешь, о чем я. У меня квартира здесь за углом. Что скажешь, если свалим отсюда прямо сейчас? У нас еще есть время, прежде чем наступит конец света, который эти придурки в новостях зовут Мошонкой!

Валда Харкинс чувствует себя оскорбленной. Она готовит ответ, но к тому времени, когда она решает разразиться тирадой, Терри, правильно считавший знаки, уже сидит за следующим столом и произносит перед другой женщиной, Кейт Ормонд, ту же самую речь. Кейт поражена.

– Вау... ты чего-то немного спешишь...

– Не вопрос. – Не дав ей договорить, Терри встает со своего места и пересаживается к Карли Робсон.

Через две минуты они уходят вместе. Терри размышляет, сколько ему понадобится времени, чтобы уютно устроиться в квартире в Саутсайде, выполнить условия общественного договора, а затем снова выйти на линию и поймать нескольких пассажиров, пытающихся попасть туда, куда им там нужно, прежде чем ураган Мошонка окончательно обрушится на город.

Пока Терри едет к себе на квартиру, поднимается сильный ветер и телефон начинает плохо ловить. Терри замечает несколько пропущенных вызовов – два из них от Ронни Чекера. Он пытается перезвонить, но деления, обозначающие силу сигнала, падают.

7. Джинти довели

«Постарайся вернуться домой пораньше, слышишь, обязательно вернись домой пораньше, сегодня вечером нельзя выходить из дома...» Малыш Джонти заладил, как чертов попугай. Но я не собираюсь торчать дома из-за какого-то шторма, мать его. Я так ему и сказала: я не собираюсь торчать здесь из-за какого-то сильного ветра, Джонти.

Потом он поворачивается и протягивает мне эту штуку, какую-то трубку, что ли, чтобы я взяла ее с собой. Я спрашиваю, что это такое, а он отвечает, что это сигнальный огонь, который он сделал с какого-то сайта в интернете.

– Сигнальный огонь, да, – говорит он, – вдруг тебе придется выйти на улицу, а там эта Мошонка!

Я сказала ему, что ни за что не выйду на улицу с этой штуковиной в сумке! Взорвать себя еще не хватало! Поэтому я просто вышла на улицу, а он все упрашивал меня взять этот дурацкий огонь.

– Хватит, Джонти, – говорю я, – ты меня уже бесишь, – сказала я и ушла.

Сколько раз нам рассказывали эту чепуху про погоду? Усиление ветра. Бред собачий. Здесь всегда, блядь, ветрено!

Сажусь в автобус до Лита, двадцать второй номер. В саунелюдно. Есть знакомые клиенты. Один постоянно приходит, просто чтобы со всеми трепать языком. Другой постоянный, культурист, но со страшно маленьким членом; может, это из-за стероидов, но ведь от них только яйца должны ссыхаться. Он всегда хочет трахаться, и приходится выложиться как следует, при этом он смотрит тебе в глаза, весь такой напряженный и жуткий, не лучше придурка Кельвина. Но в остальном смена сегодня простая.

Только я выхожу из душа, как появляется Кельвин и говорит:

– Я следующий.

И я ничего не могу с этим поделать. Чем больше ты его сторонись, тем больше он заводится и хочет тебя трахнуть. А когда он начинает, нужно изо всех сил делать вид, будто тебе на самом деле нравится. Он превращается в сволочного психа, если ему кажется, что он вызывает у тебя отвращение. Но на этот раз все не так плохо, только сосок болит, так сильно он его сжал. Хуже всего словесный поток, что хлещет из его пасти.

Ужасно, что мне приходится ему давать, но здесь хорошо платят.

Поэтому я рада, что все закончилось, и теперь укладываю вещи в свой шкафчик. Затем я прохожу через комнату для отдыха, приемную и выхожу на улицу. Иду по Лит-уок в сторону центра. Тут подъезжает такси – а я даже рукой не махала, – и я вижу, что внутри Терри.

– Подвезти?

– А куда ты едешь?

– В Сайтхилл.

– А я – в Горджи.

– Мне по пути. Залезай, – говорит он, а потом слегка улыбается. – Давай! Я не на счетчике!

Я сажусь и мы едем в центр.

– Послушай, – говорит Терри, – если я вдруг забегаю вперед – только скажи, но вдруг ты хочешь потрахаться?

Я закатываю глаза:

– Я весь день только и делаю, что лежу в кровати.

– Ясно, но по собственному желанию – это ведь совсем другое дело.

Не понимаю, почему он не предложил этого раньше.

– Можешь трахать любую из нас когда угодно, но только в сауне. Уверена, что у вас с Виком общий халявный счет... и с этим, блядь, Кельвином.

– Да обстановочка там не та, – говорит Терри. – Девочка должна хотеть, иначе мне скучно.

И как бы смешно это ни казалось, но я действительно хочу. Прежде всего потому, что хоть мысленно я и была за тридевять земель от Кельвина, все равно не хочу всю ночь думать о том, что сегодня последним на мне был этот придурок. Прикол, конечно, но, сколько в постели не лежи, удовольствия ты никогда не получишь. Так можно и веру в себя потерять, потому что, даже думая о других вещах, иногда заканчиваешь смену и понимаешь, что теперь вот хочется нормально поебаться. Потому что на работе ты нормально не поебешься, а вот нужную волну иногда словить можно.

И вот я смотрю на этого Терри, на эту буйную кудрявую копну волос. У него в глазах тот же блеск, что и у всех ебырей.

– Я слышала, что ты парень не промах. Хорошо укомплектован по части шишки.

– Гарантия качества, – отвечает он, сворачивает с Горджироуд и останавливает машину в переулке.

8. Беготня

Ношусь как чокнутый, волнуюсь за малышку Джинти, дважды вниз по лестнице, да, точняк, дважды. Не знаю, где она. Пытаюсь дозвониться до нее по мобильнику, по мобильнику, точняк.

Мобильник.

Меня ужасно пугает мысль о том, что она может оказаться в этом урагане, в этой Мошонке. И вообще мне не нравится, что сюда занесло какой-то ураган, пусть знает свое место, тропики там или еще где, точняк! Уходите отсюда, ураганы, туда, откуда пришли! Не нужны вы нам здесь, в Шотландии! Помню, как Хэнк сказал, что, когда они были во Флориде, в Орландо, там был страшный такой ураган, точняк. Даже деревья делали мостик. Я сказал: «Делали мостик, Хэнк?» И Хэнк такой: «Ага, Джонти, выгибались назад по полной».

Но это были какие-то пальмы, а не настоящие деревья. Настоящие шотландские деревья такого не потерпят, какой бы там ни был ураган. Точняк, с настоящими деревьями такое не пройдет!

Поэтому я включаю «Улицу Коронации»¹⁶, там эта симпатичная девушка, немного похожая на малышку Джинти, и начинаю повторять про себя: вернись домой, Джинти, вернись домой или возьми трубку и скажи, что ты в безопасности, точняк, точняк, точняк...

¹⁶ *Coronation Street* – британский телесериал, стартовавший 9 декабря 1960 г. 28 сентября 2016 г. вышла 9000-я серия эпопеи.

9. Прибежище в «пабе без названия»

Я сижу на заднем сиденье все того же кэба, и между ног у меня приятная дрожь, хорошо сочетающаяся с вибрацией мотора под сиденьем. Мы катим по Дейли-роуд, снаружи порядочно поливает и налетают резкие порывы ветра.

– Можешь просто выпустить меня вот здесь, – говорю я этому Терри.

– Ветер сильный, вообще-то, – отвечает он.

Господи, даже малыш Джонти, который мог бы работать машиной для ебли, никогда не отделывал меня так, как это животное! Но Терри я ничего не говорю, у него и так самолюбие раздуто дальше некуда, уж очень он важничает.

Я оборачиваюсь на него:

– Тебе-то что, сынок?

Кажется, Терри немного уязвлен.

– Просто, судя по всему, ты идешь в «Паб без названия». – Он указывает на пивную напротив.

Я вижу, как снаружи курит Дик Макгрегор.

– Ну да, иду.

– У меня есть маленькая посылка, которую нужно передать.

– Кому?

– Ты их не знаешь.

– Готова поспорить, что это один из братьев Баркси! Эван!

Терри закатывает глаза, словно я его раскусила и говорит:

– В том числе.

– Есть первый?

– Ага...

– Я хочу дорожку.

– Не здесь. – Терри смотрит через стекло на пустынные улицы, где не видно даже машин. – Это мой хлеб... ну, не только это, конечно.

Он заезжает в немощный переулок напротив паба.

– Вот уж чего-чего, а укромных местечек ты знаешь предостаточно, сынок, – говорю я, потому что по нему видно: еблей и наркотой он занимается по-крупному.

Он улыбается и выходит из кэба, и, пока он подходит к задней дверце, ветер взметает вверх его шевелюру.

– Твою мать, ну и ветер! – говорит он. – Держи... – Протягивает мне пакетик. – Это тебе.

Я смотрю на него так, будто я нихера не рада, потому что радоваться здесь, вообще-то, нечему.

– Я хоть и вписалась с тобой, но не по долгу службы, сынок!

– Да ладно, – говорит Терри, – расслабься, Джинти. Я знаю, что не по долгу. Это подарок. Снежного тебе Рождества. И еще, – он наклоняется поближе, – подумай о том, что я сказал, ну, насчет порнушки, если тебе такое по душе. Хорошие бабки.

– Думаешь, я справлюсь?

– Легко. Нужно будет только избавиться от этого брюшка. – Он тыкает меня пальцем в живот, но делает это довольно ласково. – Мне оно нравится, я считаю, что это сексуально, но для видео тебе придется на месяц отказаться от углеводов и записаться в новый спортзал в «Комми». В два счета будешь в форме, а потом мотор, камера... – Он подмигивает. – Держи. – Он оглядывается по сторонам. Затем кладет немного кокоса из пакета на кредитку и кивает мне – хуйни, мол. А меня два раза просить не нужно!

Йеессс.

Терри насыпает себе.

– У меня опять начинается невъебенный стояк... могу прямо сейчас тебя еще разок обработать... – Его рука ложится на мое бедро.

– Так, все, остынь, сынок, – резко останавливаю я его.

Конечно, я могла бы снова потрахаться, еще как, черт возьми, но в любую минуту может объявиться малыш Джонти. А кроме того, таких парней, как Терри, нужно держать в узде. Будешь давать им по первой просьбе, и они станут тобой пользоваться. Плавали, знаем, даже фотки на память остались.

– Давай ебаться! – смеется он.

– Придержи лошадей. Иди уже внутрь, – указываю я в направлении пивной.

Терри улыбается, потому что в глубине души он четкий му жик и понимает, когда ему говорят, – не то что некоторые. Вот ублюдки этот Виктор и Кельвин. Но в переулке поднялся такой ветер, что нам едва удастся открыть дверцу машины. Наконец у нас получается, мы с трудом выбираемся наружу и буквально тащим друг друга в пивную!

Какое же, блядь, счастье оказаться под крышей! Внутри битком. Терри обычно не заходит в «Паб без названия» – по крайней мере, я никогда его здесь не видела, но, кажется, он узнал нескольких завсегдатаев. Я надеюсь, что он останется хотя бы до тех пор, пока не придет малыш Джонти, а потом думаю: не, может, и не стоит.

Терри замечает Эвана Барксдейла, у которого телосложение любителя пива, в то время как у его брата-близнеца, Крейга, конституция скорее психа на водочном заводе. Они исчезают в нужнике, по-видимому, чтобы занюхать по дорожке и проверить сделку. Я разговариваю с Джейком, хозяином паба, затем достаю телефон, вижу кучу пропущенных вызовов от Джонти и пытаюсь до него дозвониться.

– Нужно сказать Джонти, чтобы поторопился, пока нас не накрыло Мошонкой! Не хочу, чтобы он застрял дома, – говорю я Джейку, но сигнала нет.

– Ох уж эта Мошонка! – говорит Джейк.

Вскоре из нужника возвращаются Терри и Эван Баркси.

– Все, вынужден вас оставить, – говорит Терри. – Долг зовет.

– Оставайся, Тез, упрямый ты, сука, хибби, этой ночью ты работать не будешь!

– К хуям, паршивый ураганишка меня не остановит. Деньги не спят, чувак, – смеется Терри. – Все, сраные джамбо-педовки, увидимся, когда от вас будет пахнуть получше, – говорит он и рулит к выходу.

Вокруг бильярдного стола стоят Крейг Баркси, Тони Грэм, Опасный Стюарт и Дик Макгрегор, и все они наблюдают за тем, как Терри уходит.

– Хитрожопый засранец, – говорит Эван Баркси и поворачивается ко мне. – Откуда ты знаешь этого хибби, бомжару сраного?

Так он, оказывается, чертов хибби! Я бы дважды подумала, прежде чем ему давать, если бы знала! Но Эвана это нихера не касается.

– Он встречался с одной моей подружкой, – говорю я.

– Да, это он умеет, – говорит Баркси, и его губы сжимаются, а глаза превращаются в щелочки. – А вы разве не вместе сейчас были, а?

Я смотрю прямо в его маленькие глазки:

– Тебе-то какое дело?

Эван Баркси колеблется, он понижает голос и пытается придать ему непринужденный тон:

– Малыш Джонти не слишком бы обрадовался.

– Я делаю что хочу.

– Вот как? Докажи!

– Как?

– Пойдем занюхаем по дорожке. – Он кивает в сторону толчка.

– Ладно.

И вот мы идем в женский нужник, в нем две кабинки. Мы заходим в одну из них, и Эван Баркси начинает раскатывать огромную дорожку. Каждый занюхивает по половине. У меня из глаз льются слезы и колотится сердце.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

– Да...

– Многие здесь думают, – он слегка улыбается, показывая вонючие желтые зубы, – что малыш Джонти пытается прыгнуть выше головы.

– Ага... ты тоже так думаешь? – говорю я. Черт возьми, мне очень хреново, с меня льется пот, и сердце колотит без остановки.

– Да чисто вспомнилось.

Это невыносимо! Нельзя нюхать столько кокса, можно откинуться прямо здесь. Но я его обожаю.

– Сердце... о-о-ох...

– Давай я посмотрю, – говорит Эван и кладет руку мне на грудь.

Мне нравится это ощущение, нравится тупая улыбочка, которая появляется у него на лице, пока он пялится на мои сиськи. Поэтому я не сопротивляюсь, когда он расстегивает две верхние пуговицы на моей блузке и запускает туда ладонь.

– Клевые, кстати, сиськи, – говорит он. А потом: – Давай их сюда уже!

– Сначала раскатай еще одну дорожку, – говорю я, хоть и обливаюсь потом, а сердце все еще грохочет, как драм-машина. Пиздец, как я прусь от ебаного кокоса!

Он раскатывает, мы снова занюхиваем, и тогда нас обоих вмазывает как следует. Эван расстегивает на мне блузку, и она спадает у меня с плеч.

– Пиздарики... – произносит он и расстегивает лифчик. Он стоит совсем близко, держит меня за обе груди руками и трется об меня. – Трахнул тебя Лоусон, да?

– Ага... – говорю я и вхожу во вкус, – трахнул меня своим большим членом... так что, черт возьми, соберешься ты уже, наконец?..

– Да... – Эван тянется к своей ширинке.

И тут где-то вдалеке раздается стук в дверь.

– Джинти! Ты там? Эй! Что ты там делаешь? Джинти? Я знаю, что ты там! Точняк! Эй!

Это малыш Джонти. У нас обоих глаза лезут на лоб, Баркси закрывает мне рот рукой, а сам прикладывает палец к губам.

– Я знаю, что ты там; Джейк и Сандра, которые работают за стойкой, сказали мне, ага, так они мне и сказали, ага, ага... что ты там, Джинти...

– Джонти, я просто зашла немного взбодриться... – говорю я ему. Мне даже не приходится в голову надеть блузку, размазало меня невъебенно.

– Джинти! Выходи! Давай выходи! Не трогай эту гадость, пожалуйста, не надо, Джинти... – И его голос срывается.

– Я выйду через минутку, не беспокойся, Джонти! – Я смотрю на Эвана, и теперь уже мы оба закрываем себе рты руками, пытаюсь не засмеяться во весь голос!

У малыша Джонти такой высокий голос, словно кто-то отрезал ему его бедные яички!

– Я вижу еще одну пару ног! Под дверью! Точняк, точняк вижу, ага. Я знаю, что это ты, Баркси! Что ты делаешь? Что ты там делаешь?

– ДЖОНТИ, СЪЕБИ НАХУЙ! – орет Эван.

Я трясую головой и начинаю смеяться.

– Что ты делаешь?.. Что вы там делаете? Выходи! ДЖИНТИ!

– Мы просто припудриваем носики, Джонти, – говорю я. – Я знаю, что ты не любишь, когда я этим занимаюсь, так что иди в бар и закажи мне бакарди с колой, я приду через минуту... – говорю я и начинаю застегивать блузку.

– Нет! Выходи! ДЖИНТИ! ПОЖАЛУЙСТА! Пожалуйста, выходи, Джинти, дорогая, ну пожалуйста, ну, ну, ну...

Лицо Эвана Баркси снова перекашивается.

– ДЖОНТИ, Я ТЕБЯ, СУКА, ПРЕДУПРЕЖДАЮ! ЗАТКНИСЬ!

– Эй, – кричу я, потому Джонти начинает действовать мне на нервы тем, что ставит нас в такое положение, – ИДИ ДОМОЙ ИЛИ ИДИ УЖЕ В ЧЕРТОВ БАР! БАКАРДИ С КОЛОЙ, МАТЬ ТВОЮ, ДАВАЙ!

Затем раздается удар, еще один, и дверь влетает внутрь кабинки! Он сломал замок! Я хватаюсь за сиськи, пытаюсь прикрыться.

– ДЖОНТИ!

– ТЫ... – Он смотрит на меня, потом на Баркси, потом снова на меня. – Джинти, идем домой! ИДЕМ СО МНОЙ ДОМОЙ СЕЙЧАС ЖЕ!

Эван Баркси делает шаг вперед и выталкивает Джонти.

– Съеби, Джонти, я тебе говорю!

– Это неправильно, – говорит Джонти, смотрит на меня, потом на сигнальный огонь. Он трясет головой и причитает: – Нет, нет, нет... – а затем разворачивается и выбегает из сортира.

Я надеваю блузку и выбегаю за ним следом. Эван Баркси хватается меня за запястье и говорит:

– Оставь ты этого сосунка сраного. – Он пытается меня поцеловать, но я его отталкиваю:

– Отъебись.

Я выхожу в бар, но вокруг толпа, и я вижу только, как Джейк открывает дверь и Джонти выходит на улицу. Я пробираюсь к выходу, и тогда Джейк говорит:

– ЕСЛИ КТО-ТО ХОЧЕТ ВЫЙТИ, ПУСТЬ ВЫХОДИТ СЕЙЧАС! ПОТОМУ ЧТО Я ЗАПИРАЮ ДВЕРЬ, ПОКА ВСЕ НЕ УЛЯЖЕТСЯ!

– КРАСАВА, МАТЬ ТВОЮ! – кричит кто-то.

Начинают скандировать:

– МОШОНКА, МОШОНКА, МОШОНКА, МОШОНКА! МОШОН-КА, МО-ШОН-КА...

Я не знаю, что делать, но затем оборачиваюсь, вижу Эвана Баркси, который размахивает большим пакетом первого и вопит: «Вечеринка!» – и понимаю, что в ближайшее время я никуда отсюда не уйду.

10. Что у мошонки в мешке

А вот это уже тревожный, сука, звонок! Льет как из ведра, завывает ветер, а девчушка идет себе по Куинсферри-роуд, а вокруг ваще ни души. И направляется она в сторону моста Форт-Роуд! В такое-то время и в такую дерьмовую погоду! Но – пассажир есть пассажир, и, кроме того, топятя чаще пацаны: мохнатки, которые пытаются покончить с собой таким способом, встречаются редко. Да, проходил я этот, сука, курс, где нас учили определять тех, кто собрался сделать себе харакири. Рассказывали, что нужно говорить, чтобы их остановить. Типа как консультирование в рехабе. Но меня, вообще-то, не особо колышет, хочет придурок спрыгнуть, пусть себе прыгает на здоровье. В пизду это джорджбернардовское¹⁷ государство с его заботой о каждом; некоторые уже все для себя решили, и, наверное, у них были на то веские, сука, причины. Переубеждать их – занятие не для первого встречного. В любом случае это не про меня! Спрыгнуть со скалы, чтобы на следующий день тебе позвонила какая-нибудь пташка, мол, все-таки решила тебе дать? Ну уж нахуй. Жизнь слишком хороша, для меня, по крайней мере. И заметьте, я могу понять чуваков, которым не дают, и поэтому они решают прыгнуть: пропади оно все пропадом!

Но пташка – это другое дело. Никто в здравом уме не станет смотреть, как симпатичная мохнатка пропадает зазря. У пташки щелка должна быть горячей, чтобы крутить шпили-вили, а не лежать холодной в морге, хотя есть мерзопакостни ки, которые оценят и такое. Я виню во всем этот чертов интернет, маленькие дети смотрят жесткое порево, хотя сами еще и не вздрочнули ни разу как следует. Эта херня любому придурку мозги набекрень вывернет. Святая правда! Я хочу сказать, что я, конечно, тоже иногда такое снимаю, но только с совершеннoлетними, дающими свое согласие, никаких сомнительных историй.

В общем, я останавливаюсь, и телка садится в кэб. Из-за дождя ее черные волосы прилипли к голове, а длинный черный плащ насквозь промок, глаза у нее совсем затуманенные.

– Ты в порядке, куколка? Немного ветрено для вечерней прогулки, тебе не кажется? О Мошонке не слыхала?

Но эта круглолицая пташка просто сидит себе и смотрит куда-то в пространство своими темными, карими кажется, глазами. Свет горит, но в доме, сука, пусто.

– Мост, – произносит она то ли с аристократическим шотландским, то ли с английским акцентом.

– А что там на мосту?

Она вдруг смотрит на меня вся такая надутая. Как будто меня это не касается.

– Не смотри на меня так, – говорю я, – что за лосиная морда? Ты спрыгнешь с моста, а полиция придет ко мне! Поэтому мне и приходится задавать вопросы!

Она смотрит прямо на меня широко раскрытыми глазами, как пташки в фильмах вроде «Крика», а может, и не «Крика», потому что губы у нее сжаты так плотно, словно я ее раскусил.

– Но решать тебе, – пожимаю я плечами. – Твое дело. Просто предупреди меня, если ты собираешься это сделать, чтобы я мог рассказать копам какую-нибудь историю, например, что ты ехала к сестре в Инверкейтинг, потом сказала, что плохо себя чувствуешь и тебе нужно выйти, чтобы проблеяться, а через секунду уже кувыркнулась вниз через перила, что-нибудь в этом духе. Я же должен прикрыть свою задницу.

Она обхватывает голову руками и что-то неразборчиво бормочет, потом вздрагивает и говорит:

– Я могу и здесь выйти.

¹⁷ Джордж Бернард Шоу (1856–1950) – английский драматург, романист и общественный деятель.

– Нет уж, довезу тебя до моста, – качаю я головой. – По мне, так: раз ты на это решилась, то все равно спрыгнешь. А на улице серьезная, черт возьми, заварушка. Хоть доедешь с комфортом. – (Она даже глазом не моргает.) – Одно тебе скажу, – проясняю я, значит, картину, – ты не выйдешь из этого кэба, пока не заплатишь за поездку.

– Я и не... У меня есть деньги... – Она открывает свою сумочку.

– Сколько?

– Семьдесят фунтов и немного мелочи...

– Не подумай, что я тебя развожу, – говорю я, глядя в зеркало, – но ты могла бы просто отдать все, что есть... раз уж ты решилась. Это же перевод бабла иначе получается, верно, с полными-то карманами прыгать. Я тебя не развожу, не подумай.

Пташка, кажется, разозлилась и в первый раз смотрит прямо на меня, потом как будто пожимает плечами и откидывается на сиденье.

– Если бы у меня было хотя бы малейшее сомнение в том, что сейчас самый подходящий момент, чтобы оставить этот сраный мир, ты смог бы меня переубедить. – И она снова наклоняется вперед и показывает мне содержимое своей сумочки.

Я останавливаюсь на красный свет, поворачиваюсь, протягиваю руку в окошко, беру наличку и запихиваю ее в карман. Слава яйцам, на дороге никого нет.

– Не хочу показаться любопытным и не собираюсь тебя переубеждать, серьезно, но я должен спросить: почему такая симпатичная молодая пташка решилась на такое?

– Ты не поймешь, – качает она головой. – Никто не понимает.

– Ну так объясни мне, – говорю. На курсах нас учили, что таких нужно пытаться разговаривать. – Как тебя зовут? Я, кстати, Терри. Все зовут меня Джусом Терри, потому что раньше я работал на фургончике с соками. Еще иногда меня зовут Голым Терри... но не буду утомлять тебя подробностями.

– Меня зовут Сара-Энн Ламонт, – отвечает она как робот, – сокращенно Сэл. С-Э-Л. Сара. Энн. Ламонт.

– Ты местная, Сэл?

– Да, я из Портобелло. Но много лет прожила в Лондоне.

– Ламонт, значит, да?

– Ага...

Спасибо, что не Лоусон, слава яйцам. Когда твой отец – мудила, который словно сумасшедший, которому доверили расписать стены дурки, взял и разбрызгал свою сперму по всему городу, нужно быть начеку.

– Чем ты здесь занимаешься, в смысле, кем работаешь?

Она еще раз с горечью пожимает плечами, а затем убирает с глаз мокрые локоны.

– Я пишу пьесы. Но кажется, никому на свете это не нужно.

– А парня или кого-нибудь, кто будет за тебя волноваться, у тебя здесь нет?

– Ха! – презрительно смеется она. – Я сбежала сюда от отношений, построенных на психологическом насилии. Я вернулась в родной город с пьесой, которую написала специально для «Траверса». Это должно было стать возвращением блудной дочери. Но критики были немилосердны, и я хлебнула сполна. Я ответила на твой вопрос?

– Так ты собираешься покончить с собой из-за парня и пьесы?

– Ты не понимаешь...

– Найди другого парня. Напиши другую пьесу, если эта была дерьмовой. Как-то раз я снял одну порнушку про военнопленного, «Некоторые любят поглубже»; получилось не очень, но я не стал из-за этого...

– Она не была дерьмовой! – перебивает меня эта Сэл и впервые за всю поездку выходит из себя. – Ты просто не понимаешь! Впрочем, я не удивлена.

Ясно, значит, через двадцать минут эта пташка превратится в корм для рыб, однако ее болтовня меня совсем не задевает.

– То есть ты хочешь сказать, что я ничего не понимаю, потому что просто вожу кэб, ты об этом? Раз я водитель такси, значит от меня не стоит ждать понимания сложной натуры художника?

– Я этого не говорила!

– Я за свою жизнь достаточно поиграл, не на сцене, конечно, а на экране, и, скажу тебе, я знаю, как все это работает. Люди думают, что в порно главное ебля, но, как говорит мой приятель Больной, «мы здесь историю рассказываем», поэтому ты должен знать слова и всегда бить точно в яблочко. Я, сука, не Брэд Питт, конечно, но ведь и он тоже не Джус Терри! В прошлом году, когда мы снимали «Доктор Съём: Тщательное обследование», я должен был засунуть один градусник пташке в мохнатку, а другой в задницу и сказать: «Этот толстый член достанется самой горячей дырке, детка». Звучит, сука, достаточно просто, но это не так-то легко, когда на тебя смотрит камера, прямо в табло светят лампы, над головой висит микрофон, а вокруг, выкрикивая указания, скачет Больной!

И тут ее прорвало. Это хорошо: дайте им выговориться – так говорил парень на курсах.

– Я всю жизнь хотела быть писателем! – кричит она. – Я потратила на эту пьесу четыре года своей жизни, а они ее не поняли! Они меня не поняли! Я еще могла бы пережить реакцию этих глумливых мужиков, эту клику унылых педерастов, но когда на меня завистливо ополчились даже так называемые сестры... – Она трясет головой, и мокрые локоны разлетаются в стороны. – Нет, с меня хватит...

На это мне особо нечего ответить. Я смотрю на нее в зеркало. Она немного напоминает мне пташку из Ливерпуля, с которой я снимался в «Анальной торпедо III». Я играл капитана китобойного судна, на котором вся команда состояла из пташек в колготках в сеточку. Слоган: «Вижу фонтан!»¹⁸

Мы проезжаем развязку в Барнтоне, она притихла, сцепила руки на коленях и, опустив голову, уставилась на них. И тогда я думаю: хуй с ним, сделаю первый шаг.

– Слушай, Сэл, может быть, это покажется тебе слегка нахальным, но могу я попросить тебя об одолжении?

Она смотрит на меня так, как будто я тронулся.

– Каком... тебе одолжении? От меня? Какое я могу сейчас сделать кому-нибудь одолжение?

– Ну, я просто подумал, что если ты не сильно спешишь, – я пожимаю плечами и немного так нагло ей улыбаюсь, – то, может быть, трахнемся, прежде чем ты прыгнешь?

– Что?

Ее лицо как будто бы перекашивается, но затем она снова замолкает. Я на верном пути! Она не согласилась, но и не сказала нет!

– Просто в голову пришло, Сэл, я знаю, что это немного нахально, но за спрос денег не берут. Можешь уйти с блеском, последняя ночь на земле, – говорю я. – Скажу без всяких, устрой тебе отличный, черт возьми, ебаторий, прости за мой французский.

– Ты хочешь заняться со мной сексом? Ха-ха! – смеется самоубийственная Сэл, и ее голос поднимается так высоко, типа она не может поверить в то, что слышит. И черт возьми, она вылезает из своего плаща и снимает свитер! Вот она уже сидит в черном бюстгальтере. – Валяй, останавливайся и делай, блядь, все, что пожелаешь!

¹⁸ В оригинале слоган Терри звучит как «Thar she blows!» – это фраза, которую в романе Германа Мелвилля выкрикивает капитан Ахав, увидев Моби Дика.

Именно так я и поступаю – сворачиваю на подъездную дорогу, ровно когда впереди уже виден пункт оплаты при въезде на мост. Ветер воет с такой силой, что поначалу у меня едва получается приоткрыть дверь, но когда на заднем сиденье ждет тѐла, я смогу выбраться из кэба, даже если он лежит, сука, на боку, погребенный под лавиной.

– Пристегни ремень, цыпочка, – кричу я ей, – потому что впереди нас ждут разухабистые шпили-вили!

11. На бога уповаем. Часть 1

Господь Милостивый, Всевечный Спаситель, мне жаль, мне очень жаль, но я согрешил против распутных бродяг Твоих! Господи, я понимаю, что, руководствуясь своей безграничной мудростью, Ты счел уместным создать этих существ, как создал Ты таракана и домашнюю муху. Не мне, рабу Твоему, сомневаться в неисповедимых промыслах Твоих. Но либеральные СМИ вывернули наизнанку и вырвали из контекста мои комментарии об этих несчастных неграх в журнале «Тайм»! Мне задали вопрос о расходах государства, а я всего лишь ответил, что жители Нового Орлеана прогневали Тебя и президент Джордж Буш правильно поступил, что не стал вмешиваться и оставил все на суд Твой.

Разве не верные это слова?

Теперь я боюсь, что неправильно Тебя понял и Ты наслал этот ураган сюда, в Шотландию, чтобы покарать меня за мою гибельную глупость, за то, что я осмелился толковать неисповедимые пути Твои!

Господи, помилуй!

Я бросаю Библию обратно на прикроватный столик, я чертовски хочу, чтобы Он меня услышал. Иногда Он действительно слышит, как, например, во время строительства в Бродварде, во Флориде, но, кажется, в остальных случаях мои мольбы проходят мимо Его ушей, я говорю сейчас о фиаско с торговым центром в Сакраменто.

Я чувствую, как вибрирует мой позвоночник, когда я, опираясь на локти, приподнимаюсь в кровати, чтобы налить еще бокал скотча. Вспомнив слова этого козла-физиотерапевта из Нью-Йорка, я сажусь, чтобы минимизировать обратный ток жидкости, и чувствую, как золотой эликсир проскальзывает внутрь, медленно растекается и согревает меня. И хотя со скотчем здесь вполне комфортно, я все равно не могу оставаться в чертовом номере, когда снаружи ветер воеет с такой силой, что трясутся окна. Как будто сегодня чертово 11 сентября и сюда с минуты на минуту прилетит самолет с террористами, чтобы уничтожить, к примеру, железнодорожный вокзал! Но это же Шотландия, кому до нее дело?

Ах нет, прости, Отец Всемогущий, ведь они тоже люди.

Снова грохочет окно, и на этот раз я готов поклясться, что вижу, как прогибается стекло. Эти деревянные рамы – сраная дешевка! Я хватаю телефон и звоню на стойку регистрации:

– Эта хрень здесь разнесет все к хуям! У вас есть план эвакуации? Как мы, черт возьми, будем отсюда выбираться?!

– Сэр, пожалуйста, успокойтесь и попытайтесь расслабиться. Не хотите ли заказать обслуживание в номер?

– Обслужите свое обслуживание в задницу! Это же чрезвычайная ситуация! Как вы можете так благодушничать, черт побери?!

– Сэр, пожалуйста, постарайтесь успокоиться!

– Да пошел ты! Мудила! – Я с грохотом вешаю трубку.

Беру бутылку скотча и наливаю себе еще стакан. Восемнадцатилетний односолодовый «Хайленд-парк» проскальзывает пташечкой. Персоналу в отеле просто насрать... Я достаю мобильный, но сигнала по-прежнему нет, и до Мортимера не дозвониться. Уволю придурка, к чертовой матери! И если на то будет воля Божья и милостью Его я пройду это испытание, то я подробно выскажу ему прямо в лицо, с каким удовольствием я посылаю его на хрен!

Очередной свирепый удар в окно; этот проклятый ураган приближается, он набирает силу. Единбург находится у моря. Замок, там, где возвышенность, вот куда мне нужно! Готов поспорить, что этот хрен Салмонд¹⁹ – Господи, здесь даже политики не в форме – и все эти

¹⁹ Алекс Салмонд – в период с 16 мая 2007 г. по 19 ноября 2014 г. был первым министром Шотландии.

придурки уже там, пьют лучший скотч и обжираются бараньими потрохами в тиши и вдали от сраного апокалипсиса! Я снова хватаюсь за телефон и выхожу на городскую линию. У них здесь даже «911» нет, вместо этого какое-то дерьмовое «999». А если его перевернуть, то получится 666! Это же знак, черт возьми! Я уже чувствую дыхание Сатаны у себя за спиной! Помилуй, Господи!

Отец наш, суший на небесах...

– Полиция Лотиана и Шотландских Границ...

– Это полиция Эдинбурга?

– Да...

– Вы сказали что-то другое! Почему? Разве вы это сказали?

– Мы называемся полицией Лотиана и Шотландских Границ... сюда входит и Эдинбург тоже.

– Ладно, я застрял в номере шестьсот тридцать восемь отеля «Балморал», это на улице Принцев, Эдинбург, прямо в центре проклятого урагана! – (Придурок на том конце буквально ухохатывается, как будто это не вопрос жизни и смерти, а телефонный розыгрыш! Неужели люди так мало ценят человеческую жизнь?) – Что здесь смешного?

– Ничего. Может быть, вам кажется, что это очень смешная шутка, но вы занимаете горячую линию для помощи в чрезвычайных ситуациях...

– Я занимаю горячую линию для помощи в чрезвычайных ситуациях, потому что это чрезвычайная, блядь, ситуация, дебил! Я Рональд Чекер! Я бизнесмен и американский гражданин!

Из трубки доносится усталый вздох, как будто этот придурок, этот коп на посту, зевает прямо мне в ухо!

– А, мистер Чекер, я читал в газете, что вы у нас в городе. Кстати, я люблю «Продажи». В общем, вы просто расслабьтесь и успокойтесь.

– Расслабиться? Как я могу, черт возьми, расслабиться...

– Мистер Чекер, вы в месте, лучше которого просто не придумать. Будь я на вашем месте, я бы там и оставался!

– Ни за что! Этот разваливающийся сарай – смертельная ловушка! Положение серьезное! Я хочу, чтобы полицейский эскорт доставил меня в Эдинбургский замок!

– Ничего не понимаю. Зачем вам ехать в Эдинбургский замок? Надвигается ураган, и мы настоятельно советуем всем оставаться в помещении.

– Блядь, да вы не понимаете! Здесь ураган на улице! Вот почему я звоню: вы, придурки, судя по всему, никогда раньше не видели чертовых ураганов! У вас ни дамбы, ни службы спасения, а вам насрать! Ну а мне – нет! Если вы не понимаете, какая надвигается задница, то катитесь вы все к чертям!

Я бросаю трубку, ложусь на живот и заползаю под кровать. В наушниках звучат успокаивающие скрипки Малера. Избавь меня от этих мучений! Избавь меня, Господи!

Тот таксист, Терри, говорил, что может что угодно разрулить! Он поможет мне с этой панической атакой... Нахожу его номер в мобильнике... появляется сигнал... он звонит...

– Ронни, дружок!

– Терри... слава богу! Ты должен мне помочь. Я застрял в этом урагане!

– Я тут тоже кое в ком застрял, Ронни. В кэбе, я имею в виду, если ты понимаешь, о чем я...

– Что?

– Забей. Где ты?

– Я в своем номере в «Балморале».

– Ну, так у тебя все в порядке, приятель, ты попробуй как-нибудь застрять по самые яйца в...

– НЕ В ПОРЯДКЕ! ВСЕ ГОВОРЯТ МНЕ, ЧТО ВСЕ В ПОРЯДКЕ! ВЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕТЕ ПРО ТО, ЧТО ТВОРИЛОСЬ В НОВОМ ОРЛЕАНЕ!

– Ладно, ладно, приятель, подожди. Похоже, у тебя небольшая паническая атака... ты ведь не принимал ничего такого, правильно?

– Нет! Я не прикасаюсь к наркотикам! Разве что пару стаканов виски и немного золпидема...

– Виски и снотворное за наркотики не считаются, – говорит Терри, но я, вообще-то, и так это знаю. – Ладно, все, не паникуй, я еду!

– Терри, спасибо, тебя сам Бог послал... только, пожалуйста, поторопись!

Я построил более двухсот высоток, каждый раз стараясь оказаться еще немного ближе к Господу, но я так боюсь высоты, что ни на одну из них так ни разу и не забрался.

Включаю телевизор, сигнал пока есть, но ни на одном из каналов, которые транслируют эти бритты, нельзя поймать «Фокс-ньюс». Сплошное безбожное коммунистически-либеральное говно с кучей придурков, которые пытаются шутить и разгуливают по улицам в странной одежде. Наконец я попадаю на какую-то старую серию «Частного детектива Магнума» и с облегчением останавливаюсь на ней. Глотаю еще две таблетки золпидема, запивая их скотчем. Беру телефон и снова звоню, чтобы заказать обслуживание в номер. Один гудок, два... они меня бросили, черт возьми! Оставили меня в этом готическом отеле с привидениями, который рухнет прямо на меня, как только на него налетит ураган и...

– Обслуживание номеров! Здравствуйте, сэр! Чем я могу вам помочь?

– Пришлите две бутылки вашего самого дорогого скотча!

– Самый дорогой виски, который у нас есть, – это односолодовый «Макаллан» тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года, но у нас осталась только одна бутылка. Он стоит две тысячи фунтов.

– Присылайте! Что еще у вас есть?

– Следующий по стоимости «Хайленд-парк» тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года, тысяча сто фунтов.

– Присылайте обе! И скажите парню, чтобы постучал три раза!

– С удовольствием, мистер Чекер, как вам будет угодно!

Буду пить их дерьмо и надеяться, что Господь меня пощадит и я заполучу настоящий скотч, настоящий «Боукаллен», и вернусь с ним в Америку! Но сначала нужно пережить этот чертов кошмар.

Новый Орлеан... Пожалуйста, Господи, я клянусь: если я переживу эту ночь, я пожертвую семизначную сумму в Фонд помощи жертвам Катрины!

12. Последняя битва мошонки

«Паб без названия» прячется в тени жилого дома под железнодорожным мостом. Он открылся еще в Викторианскую эпоху, и с тех пор этот укромный, труднодоступный и даже несколько таинственный притон стал излюбленным местом сбора местных заядлых выпивох. Отсюда недалеко до стадиона «Тайнкасл», и в дни матчей паб пользуется популярностью у футбольных болельщиков. Кроме того, история этого заведения пестрит разнообразными несуслазицами. Долгое время пивной управляла череда неудачливых хозяев, и в результате здесь стала собираться смешанная публика, состоящая из конкурирующих байкерских группировок, крайне правых сторонников монархии, нескольких привлеченных местными ценами пьяниц со стажем и футбольных фанатов из противоборствующих банд, которые регулярно громят паб за его лояльность к «Хартс».

Есть люди, и большинство из них никогда не переступало порог этого заведения, для которых «Паб без названия» – место сомнительное и даже пользующееся дурной славой: мерзкая, отвратительная дыра, набитая живущими в каменном веке допотопными динозаврами. Однако для завсегдатаев паба это просто место, где можно раскрепоститься: невосприимчивая к безликим веяниям современности олдскульная пивнуха, где нет нудных проповедей профессиональных морализаторов и критиканов.

Сейчас это место в осаде другого порядка. На улице завывает Мошонка; кажется, словно это больной астмой дьявол играет на аккордеоне, и в его угрозах есть даже какое-то очарование. В теплом «Пабе без названия» все очень скоро привыкают к этим завываниям. К ультразвуковым мелодиям примешивается посторонний грохот – вероятно, от упавшего на пол кия для игры в бильярд. Завсегдатаи обмениваются понимающими взглядами и наигранными комментариями в духе «не хотел бы я там оказаться». Но никотиновой ломке нет дела до враждебно настроенной природы, поэтому скоро, несмотря на летящие навстречу пакеты от чипсов и коробки из фаст-фуда, посетители начинают предпринимать вылазки наружу. Дерзкие выкрики вроде «повой мне еще!» яростно адресуются ветру, который превращает прикуривание сигареты в столь непростое предприятие.

Глубокой ночью, около двух, все прекращается. На время никто уже особенно не смотрит. Растекаясь из паба по призрачным, усыпанным мусором проспектам и нетвердой походкой направляясь домой, многие уже и вправду не помнят ни о каком урагане.

Одной из последних вечеринку покидает Джинти Магдален; она бредет по холодной утренней улице, ее знобит, ноздри истерзаны, в глазах жжение, а в голове – жуткий беспорядочный грохот.

Часть третья. Послемошоночная паника

13. Джонти на районе

Следующим утром вместе с первыми неуверенными лучами солнца просыпается и Джонти Маккей, так уж у него заведено. Но никакой Джинти рядом нет. Волна паники поднимается у Джонти в груди, поток воспоминаний захватывает его, и он начинает биться в конвульсиях. Джонти выпрыгивает из кровати, подбегает к двери и медленно ее открывает. Ему хочется закричать, но слова застревают в пересохшем горле. Его трясет, с него струйками сбегает пот, он выходит в коридор. Через щель в приоткрытой двери в гостиную он замечает, что Джинти спит на диване. Ее спутанные темные волосы выбиваются из-под куртки «Хартс», которой, как он начинает теперь припоминать, он накрыл ее ночью. Джонти решает ее не беспокоить, он быстро одевается, выскальзывает из квартиры на лестничную площадку и спускается вниз по лестнице.

Этажом ниже молодая, одетая в паранджу женщина возится с ребенком и коляской, через отверстие для глаз она бросает взгляд на Джонти. Джонти чувствует, как этот взгляд смеется, танцует у него в душе, и он улыбается ей в ответ. Они обмениваются любезностями, он – в своей бессвязной манере, она – сдержанно, тихо, словно лесная лань. Он помогает ей спустить по лестнице коляску, пока она несет ребенка. Затем он широко распахивает тяжелую входную дверь своего многоквартирного дома и выходит на свет божий. Он смотрит, как эта женщина, миссис Икбал, катит по усыпанной после урагана мусором улице коляску с ребенком.

Джонти стоит под бледным светом дня и моргает. Он чувствует, что поступает плохо, тайком сбегаая из дома, но разве у него нет на то причин? Остался всего лишь один пакетик чая, и Джонти помнит, что вчера он уже обращал на это внимание Джинти. И хлеба нет – вчера он поджарил в тостере последний кусочек, горбушку. Это плохо, потому что сегодня у него смена, он красит квартиру в Толлкроссе. Ему нужен плотный завтрак, поэтому он решает идти в «Макдональдс» и, возможно, взять там макмаффин с яйцом. Правда, ему не нравится запах макмаффина; тот каждый раз напоминает ему запах его собственного тела, как если бы он работал до седьмого пота, а затем по пал под дождь по дороге домой. Это второе важное решение за сегодня, которое он должен принять. Первым был выбор: отправиться в «Макдональдс» на улице Принцев в Уэст-Энде, это как раз по пути в центр, или развернуться и пойти в тот, что на Горджи. Джонти выбирает последнее, потому что он любит там завтракать.

В «Макдональдсе» на пересечении Горджи-роуд и Уэстфилд-роуд маленькие компании страдающих ожирением взрослых и детей сидят бок о бок с худыми как щепка счастливыми, которые, судя по всему, обладают иммунитетом к натиску жирной и высококалорийной пищи, которую здесь подают. Малыш Джонти Маккей, самый худой из них всех, заходит в ресторан и с открытым ртом начинает изучать меню на стене, затем переводит взгляд на двух округлых, как рождественские индейки, обедающих женщин в блузках и пальто из «Сейнсбери»²⁰. Он делает комплимент их выбору блюд. Затем повторяет его снова. Они отвечают на это тем, что начинают повторять его замечание друг дружке. После чего они заливаются смехом, но Джонти не разделяет веселья, к которому они, казалось бы, приглашают его присоединиться. Вместо этого он снова смотрит на меню, потом на продавщицу за стойкой, молодую девушку с лицом в прыщах. Хотя на завтрак и принято есть яйца, а курица больше подходит к обеду или ужину, вместо макмаффина с яйцом Джонти заказывает чикен-макнаггетс. Джонти считает, что это

²⁰ *Sainsbury's* – один из крупнейших в Великобритании сетевых супермаркетов.

и есть ответ на вопрос: что было раньше – курица или яйцо? Яйцо, ведь его едят на завтрак. Но если так, не нарушил ли он тем самым какой-то неписанный закон Божий? Терзаясь сомнениями, он берет еду и садится на свободное место. Он обмазывает один макнаггетс кетчупом, это – макнаггетс-хартс, его он съест последним. Прочь, «Рейнджеры»! Прочь, «Абердин»! Прочь, «Селтик»! Прочь, «Килли»! И самое главное: прочь, «Хибз»! Джонти повторяет все это себе под нос, пережевывая наггетсы и быстро проглатывая их один за другим. Он беспокоится, что люди могут принять последний из них, красный, за символ «Абердина» вместо «Хартс».

– Это не «Абердин», – говорит он женщинам из «Сейнсбери», размахивая вилкой с наггетсом.

Через окно он видит, как по улице идет девушка с золотистым лабрадором. Джонти думает о том, как хорошо было бы родиться в следующей жизни собакой, но только такой, которая знает, что нюхать, а что нет. Он возвращается к кассе, чтобы взять макфлури со вкусом шоколадок афтер-эйт. По пути назад он на несколько секунд останавливает взгляд на десерте: мороженое и мятный шоколад. Когда его достают из морозильной камеры, от него начинает подниматься пар. Вот они, лучшие мгновения жизни. Затем Джонти методично поглощает макфлури, оставляя совсем немного, чтобы еще посидеть и подумать.

Пару часов спустя в квартире на Толлкросс его встречает Рэймонд Гиттингс. Рэймонд – худощавый мужик с покатыми плечами, лохматой бородой и редкими каштановыми волосами. Он всегда, в любую погоду, носит кофты с высоким горлом. Благодаря этому да еще его бороде появилось предположение, что у Рэймонда на шее какое-то родимое пятно или шрам, но наверняка никто сказать не может. У Рэймонда солидное, похожее на опухоль, брюхо, которое выпирает так, словно он вынашивает ребенка. Это считается необъяснимым феноменом, поскольку лишних килограмм у Рэймонда больше нигде не наблюдается.

Рэймонду нравится Джонти, потому что Джонти надежный и дешевый работник. Он может красить целый день, не задавая лишних вопросов, и радуется любой подачке. Разумеется, Джонти был бы куда полезнее, если бы умел водить и использовал бы собственный комбинезон, подстилки, кисти и растворители. Но благодаря тому, что Джонти не нужно носить с собой все эти вещи, никто не сдаст его за работу мимо кассы.

– Здорово, Рэймонд! Здорово, старина!

– Джонти, как жизнь? У меня есть для тебя сосиска в тесте из «Греггз». Я подумал, что не знаю, успел ли Джонти позавтракать, так захвачу-ка я ему сосиску в тесте из «Греггз»!

Джонти все еще чувствует запах бурлящих у него в животе чикен-макнаггетсов и макфлури-афтер-эйт, но он не хочет обижать Рэймонда и поэтому делает вид, что проголодался.

– Ну, Рэймонд, ну, чувак, ты лучший босс на свете, точняк, ты лучший, ага, ага.

Легкий, словно мимолетная тень, укол совести поражает душу мелкого дельца Рэймонда Гиттингса. Но он убеждает себя, что раз Джонти так счастлив, то, наверное, в каком-то смысле он и вправду лучший на свете босс.

– Ну и умора с тобой, Джонти!

– Точняк, Рэймонд, умора, ага! Точняк, точняк, ага... – повторяет Джонти.

Рэймонд смотрит на сияющее, радостное лицо Джонти и улыбается, но, когда в воздухе повисает неловкая пауза, внутри у Рэймонда все съеживается. Он откашливается и указывает на сосиску в тесте, которую держит Джонти.

– Ладно, значит, как справишься с сосиской, застилай пол в гостиной – и начинаем класть краску на стены!

Джонти с жадностью заглатывает сосиску и понимает, что он действительно снова голоден. Все из-за этого «Макдональдса». Затем он приступает к работе и хорошенько вкалывает, прежде чем прерваться на полчаса, чтобы пообедать чебуреком из «Греггз» и бутылкой

«Вимто»²¹. После этого Джонти без передышки работает до раннего вечера. Он неплохо умеет класть краску на стены, слой за слоем. Когда приходит время заканчивать работу, он думает о Джинти и о той жуткой ссоре, которая состоялась между ними вчера, перед тем как он пошел спать. Джонти не решается ехать домой, поэтому он звонит своему брату, Хэнку, чтобы зайти к нему на чай. Лучше, чтобы Джинти с ним не было, она не ладит с подружкой Хэнка, Мораг. Пусть немного остынет после вчерашней стычки.

Хэнк и Мораг живут в Стенхаузе, в муниципальном доме, который покойные родители Мораг приобрели, пока действовал тэтчеровский закон о приватизации. Отец Мораг умер от сердечного приступа, а ее мать, страдающая старческим слабоумием, живет в доме для престарелых. Поначалу дом унаследовала сестра Мораг, Кристи, но затем она ушла от мужа и уехала с детьми в Инвернесс к мужику, которого встретила в Испании. Выдворение из дома покинутого, озлобленного супруга стало для Хэнка и Мораг геркулесовым подвигом, но в конце концов им это удалось, и теперь они с удовольствием выют свое гнездышко. Здесь чисто и уютно, и Джонти нравится это место. Мораг приготовила ростбиф с подливой, картофельным пюре и горошком.

– Ростбиф, – говорит Джонти, – это суперкласс. Точняк!

– Все верно, Джонти, – соглашается Хэнк.

Хэнк – высокий и худой парень. У него выпадают волосы и лысеет макушка, как и у Джонти, но, в отличие от своего брата, по бокам и сзади он носит длинные волосы. На нем джинсы *Wrangler* и футболка *Lynyrd Skynyrd* с вариацией на тему флага Конфедерации.

– Жаль, что Джинти не смогла прийти, – говорит Мораг – ширококостная женщина в лиловой блузке и черной юбке. Она работает в офисе страховой компании в центре. – Эти ночные смены ее добьют.

– Ага... ага, ага... – произносит Джонти, неожиданно почувствовав себя не в своей тарелке.

Хэнк и Мораг незаметно обмениваются напряженными взглядами.

– Что бы вы там о ней ни думали, – осторожно произносит Мораг, переводя взгляд с Хэнка на Джонти и обратно, – а она работяга. Как она добралась до дома в такой ураган, Джонти? Она в порядке?

– Ага... в порядке. Добралась. Да. Она пришла домой рано утром, – отвечает Джонти, пытаясь звучать весело. – Застряла в пабе! Точняк!

Мораг хмурится и качает головой с выражением крайнего неодобрения, но Хэнк только пожимает плечами.

– Может, это и неплохо, – говорит он. – Будь я на ее месте, я бы точно переждал, пока эта Мошонка не утихомирится.

Джонти чувствует, как что-то лопается у него внутри. Он пытается не ерзать на стуле. Он смотрит на соусник и меняет тему:

– Четкий соус, Мораг. Она всегда делает четкий соус, да, Хэнк? Четкий у Мораг соус, а?

– Не то слово, Джонти! Тебе такой и не снился! – Хэнк подмигивает своей подружке, подмечая, что та слегка покраснела.

Оставшаяся часть обеда проходит в тишине, пока Мораг, остановив на несколько секунд пристальный взгляд на Джонти, не говорит:

– Я надеюсь, Джинти заботится о тебе, Джонти, сынок, потому что на вид ты худой как щепка, от тебя скоро ничего не останется. Прости, если тебе кажется, что я лезу не в свое дело.

– Да, худой как щепка, – повторяет Джонти. – Худой как щепка, скоро ничего не останется. Точняк. Я скучаю по поездкам к мамке в Пеникуик, точняк, в Пеникуик. Теперь все по-другому. Да, Хэнк?

²¹ *Vimto* – английская газировка со вкусом ягод.

Хэнк уставился в телевизор у Джонти за спиной, где в выпуске шотландских новостей подсчитывают итоги разрушений, нанесенных Мошонкой. «Ущерб может составить десятки тысяч фунтов», – мрачным голосом сообщает диктор.

– Ага, так и есть, Джонти, сынок, – признает Хэнк, – все теперь совсем по-другому.

– Все, да, все по-другому.

Ко всеобщему удовольствию, на столе появляется десерт, яблочный пирог из «Сейнс-бери» под заварным кремом из банки. Позже, когда сытый и довольный Джонти уже направляется к выходу, Хэнк похлопывает его по плечу и начинает уговаривать:

– Не делай вид, что ты ей чужой человек, своди малышку Джинти как-нибудь вечером в паб. В «Кэмпбеллс» или в этот «Паб без названия».

Джонти кивает, но это не значит, что он согласен. Нет, совсем не согласен, потому что он твердо убежден в том, что все проблемы начались именно с «Паба без названия».

Наконец Джонти уходит, он срезает путь через парк, возвращается на Горджи-роуд и проходит мимо забегаловки с жареной картошкой на перекрестке с Вестфилд-роуд. Эту забегаловку он особенно любит. Пока существует она и *C. Star*, картошечка в Горджи всегда будет лучше, чем в Лите. Этого нельзя отрицать. Остальные забегаловки просто не дотягивают, что правда, то правда. Но и просто пройти по Горджи-роуд всегда приятно. Где еще увидишь настоящую ферму? На Лит-уок никогда не было фермы. Джонти снова замечает впереди миссис Икбал, соседку с нижнего этажа, она катит коляску с младенцем. Коричневый ребенок, думает Джонти. В этом нет ничего плохого, он уже как-то раз говорил об этом; вечером, в «Пабе без названия», он говорил, что никто не выбирает, какого цвета ему родиться на свет.

Тони тогда согласился с Джонти. С этим ведь не поспоришь, никто не виноват в том, что родился не белым.

Эван Баркси усмехнулся и назвал соседей Джонти террористами с занавеской на голове, сказал, что в квартире под ним наверняка расположилась фабрика по производству бомб.

Но Джонти все никак не понимал, как могут молодая девушка и ее ребенок заниматься такими вещами. И тогда он сказал им об этом, Эвану Баркси, Крейгу Баркси, Тони и Опасному Стюарту и всем остальными. Баркси только махнул рукой и ответил, что Джонти слишком туп, чтобы разбираться в политике.

Джонти согласился, что он всего лишь деревенский парень из Пеникуика. Точняк, точняк, Пеникуик, ага, повторял он все тише до тех пор, пока его голос не смолк окончательно. Но его заинтересовала мысль о том, что люди могут делать бомбы у себя дома. Он даже решил почитать об этом в интернете. «Коктейль Молотова», его так легко сделать.

Сторонясь гостиной, где все еще спит Джинти, он смотрит через матовое окно своей узкой ванной на противоположную сторону улицы, туда, где с неприступным видом стоит он, «Паб без названия». Джонти совсем не хочется заходить внутрь, но он решает собрать волю в кулак и сделать это: показать им всем, что ничего страшного не случилось. Он несколько раз хватается ртом воздух, наполняет им легкие и переходит дорогу, направляясь напрямиком в паб. Его руки трясутся от волнения, пока он достает из кармана деньги и Сандра с улыбкой на лице наливает ему кружку лагера, которую он заказал.

Даже не глядя в противоположный угол паба, туда, где висит дартс, он знает, что они здесь. Они наблюдают за ним в тишине, пока наконец не раздается зычный голос Опасного Стюарта:

– А вот и он!

– Здорово, Джонти! – говорит Тони.

Джонти берет свою кружку с барной стойки и идет к ним. Он видит, как на лице Эвана Баркси замирает ухмылка, и что-то у Джонти внутри падает. Баркси ничего не говорит, но продолжает напряженно смотреть на Джонти.

– Точняк, я тут видел девушку из моей парадной, ту, что в маске и с коричневым ребенком. Ага, видел ее.

– А вы с ней поладите, Джонти! Она станет фермерской телкой из маленького городка, все такое, – смеется Тони.

– Да ни один придурок в Пеникуике так не разговаривает, как он! Какой из него, к черту, фермер! А, Джонти? – Крейг Баркси пытается поддеть Джонти, и его нижняя челюсть выдается вперед.

– Точняк, точняк, точняк, Пеникуик, ага.

Все смеются над представлением, которое устраивает Джонти, но он убеждает себя, что они просто не знают того, что знает он.

– Да, Горджи изменился, ага, изменился, совсем как Куик, – объясняет собравшейся компании Джонти, – все эти коричневые, китаезы и все остальные, парни, которые продают DVD, «Имя розы» там, точняк, ага. Хороший, кстати, фильм, ага. Но Пеникуик теперь совсем другой, точняк.

Все снова смеются, все, за исключением Эвана Баркси, который крутит пальцем у виска и говорит Джонти, что у него не все дома.

Джонти не обращает на них внимания; он идет к музыкальному автомату. В автомате есть несколько клевых-преклевых рождественских песенок. Ему нравится та, которую он называет «I Will Stop the Calvary», он считает, что в ней поется о поездке в Канаду²². Джонти думает, что поехать в Канаду было бы классно, только очень холодно. Хотя здесь, конечно, тоже не сахар, особенно после урагана Мошонка. Все просто переждали, пока все не уляжется, в пабе. Но даже это создало кучу проблем. Это создало ужасные проблемы для них с Джинти. Теперь ей нехорошо. Скоро Джонти будет пора возвращаться, чтобы присмотреть за ней. Он берет свою кружку, допивает пиво и выходит из паба, ни на кого не оглядываясь и не прощаясь.

Вернувшись в квартиру, Джонти поднимает спящую Джинти с дивана и переносит в спальню. Он укладывает ее в кровать, поправляет одеяло, целует ее голову. Он приготовит им по стакану горячего тодди; в той бутылке, что недавно принес Хэнк, еще осталось немного виски.

²² Игра слов основана на созвучии «calvary» и «cavalry». На самом деле Джонти имеет в виду песню английского музыканта Джона Льюи «Stop the Cavalry» («Остановите кавалерию»), однако он ошибочно называет ее «I Will Stop the Calvary» («Я положу конец крестным мукам»), но при этом думает, что она о канадском городе Калгари.

14. Рыцарь в сверкающих доспехах

Весь смысл правил в том, чтобы их, сука, нарушать. Но нарушать всегда лучше чужие правила, а не свои. И вот я полностью, черт возьми, нарушил одно из своих правил, потому что привел пассажира домой. Конечно, я постоянно вожу домой птишек, но приводить чертовых пассажиров куда менее благоразумно.

Некоторым из них кажется, что ты что-то вроде священника или социального работника, иногда я и сам начинаю в это верить, потому что прошел этот дерьмовый инструктаж! Тебе втирают весь этот бред про рабочие отношения. В общем-то, конечно, логично, привозишь ты птишку к себе домой, а какой-нибудь придурок это видит, и с этой минуты настучать на тебя в диспетчерскую ему раз плюнуть. Железно. Слава яйцам, что Большая Лиз прикрывает мой зад, когда он не в кэбе. Но в случае с этой тёлкой с пошатнувшимся душевным здоровьем, желанием прыгнуть с моста и Мошонкой я вдруг подумал: буду рыцарем в сверкающих доспехах. Исчезнет элементарное рыцарство, значит можно расходиться по домам. И потом, я бы с удовольствием как следует вдол этой птишке!

Тут мне в панике звонит этот американский чувак из «Балморала», успел уже наложить в штаны, тупой придурок. Нужно ехать, ничего не поделаешь, за десять кусков в неделю я с превеликим удовольствием подоткну ему одеялко! И хотя я только что оттолкнул с того света эту птишку, самоубийственную Сэл, мне будет не по себе, если я просто отпущу ее бродить по улицам. Не то чтобы она куда-то спешит, куда там! На самом деле, пока мы едем обратно в город, ее даже как будто немного подрубают.

– Может, вернемся к тебе?..

– Конечно, – говорю я немного настороженно, – но сначала нужно заглянуть к одному парню, который подогнал мне небольшую работенку. У него жесткая паническая атака, он думает, что его снесет ветром. Он типа американец; думаю, он попал в эту Катрину в Новом Орлеане, и теперь у него мозги набекрень.

– Это было ужасно, – говорит Сэл.

К тому времени как мы до него добираемся, Ронни уже в банном халате, весь дрожит и потеет, как шлюшка от кокса с крысиным ядом. Ирокез намок, и он зачесал его назад. Ронни впускает нас в номер, и я вижу, что этот придурок уже вынул целую бутылку восемнадцатилетнего «Джонни Уокера» и открыл винтажный на вид «Хайленд-парк». Рядом стоит непечатый «Макаллан». Ну, понеслась!

Ронни явно пересрался, как только я отодвинул бутылки и начал раскатывать дорожки.

– Наркота... я к кокаину не притрагиваюсь...

– Чутко первого, Ронни, вернем тебе уверенность в себе, приятель. После этого никакой ураган тебе будет не страшен. Еще и наружу побежишь, чтобы накостылять ублюдку!

– Думаешь, это правда поможет?

– Железно.

Мы набрасываемся на кокос и виски, и вот Ронни, уже как новенький, говорит:

– Знаешь, после такого начинаешь ценить человеческую жизнь. Я даже думал сделать пожертвование в Фонд помощи жертвам Катрины в Новом Орлеане, но... Бог не подал мне ни единого знака, дабы поддержать эту инициативу.

– Какой невъебенный ураган, а, приятель? – указываю я на окно.

Ронни улыбается, но тут встречается Сэл:

– Так ты, значит, разговариваешь с Богом?

– Я ощущаю внутри себя дух Святого Отца.

Сэл смотрит на пустую бутылку:

– Мне кажется, ты что-то другое там ощущаешь.

– Классный виски, – говорю я, рассматривая стакан на просвет и пытаюсь немного сбить недоброжелательный настрой самоубийственной Сэл.

– Это ерунда, Терри. Я рассчитываю заполучить товар, который... ну, скажем так, по сравнению с которым этот виски покажется деревенским самогоном!

Сэл по-прежнему щурит глаза и буравит Ронни:

– Я знаю, кто ты, я видела твоё сраное шоу, ты там все время увольняешь каких-то бездельников, таких же отвратительных, как и ты.

Ронни разражается смехом:

– Что ж, если уж речь зашла об отвращении, леди, то сейчас вы сидите у меня в номере, пьете, черт возьми, мой скотч и...

– Да ладно, – говорю я, – все мы люди. – И поворачиваюсь к Сэл: – Еще недавно ты не блистала рассудительностью. – Затем поворачиваюсь к Ронни: – Нужно признать, Ронни, что и ты тоже. Но кто все исправил? Старина Джус Тэ! Так что расслабьтесь, допивайте и позвольте мне воздвигнуть на этом столе еще один Ньюкасл-апон-Тайн.

– Есть, сэр, ничего не имею против! – улыбается Ронни.

Сэл закатывает глаза, но от еще одной дорожки не отказывается. Мне приходит в голову, что куча пыли и виски, возможно, не лучшая закуска для птички, которая только что пыталась покончить с собой, но мой Верный Друг вправил ей мозги, и он всегда под рукой, если потребуется добавка – в любое время дня и ночи! Все сомнения Ронни рассеялись, и даже его фанатская прическа высохла и снова понемногу встает торчком. Шторм сходит на нет, и Ронни, даже несмотря на то, что он вдрызг пьян, теперь в сто раз счастливее и спокойнее, по этому я говорю ему, что нам пора ехать.

– Терри, ты даже не представляешь, как я тебе благодарен. Я твой должник, приятель.

– Все путем, чувак. Верный Друг требует разрядки, так что пора.

Ронни кивает и смотрит на Сэл:

– Ладно, спасибо, что заехали, ребята.

– В любое время, дружище. – И я слегка его приобнимаю, пока Сэл, ничего не говоря, просто берет свою сумочку и встает.

Мы выходим, спускаемся по лестнице и покидаем отель.

Идти по мостам – сумасшествие, на улицах бушуют вихри из мусора. Я собираю волю в кулак, из-за всего этого дерьма, которое летает вокруг, придется снова мыть голову.

– Этот парень ненормальный, – говорит Сэл, – слышит какие-то голоса...

– Эй! Да ты не далее как час назад собиралась откинуться!

Сэл просто пожимает плечами. Я привожу ее к себе домой и затаскиваю в койку. Как всегда и бывает с тёлками, кокос сделал свое дело – Сэл вконец обдолбана и на взводе. Так что я разряжаю в нее всю обойму, прямо в ее хорошенькую тугую киску. Это продолжается почти всю ночь: мощный трах, мы не надолго засыпаем, и вот снова меня будит Верный Друг, а я бужу Сэл.

– Ты вообще когда-нибудь останавливаешься?.. – стонет она и ловит ртом воздух, пока я забираюсь на нее в четвертый или пятый раз.

– Не раньше, чем выгоню из твоей башки последнюю мысль о самоубийстве, – говорю я, но она и сама жаждет продолжения; каждый раз словно два кусочка хорошенько поджаренного хлебushка выпрыгивают из тостера.

Утром я встаю с постели, высмаркиваюсь коксом с соплями, раздвигаю шторы и смотрю в окно. Похоже, на улице холодно. Несколько мусорок перевернуто, летает какой-то хлам, кричат чайки. Да и хер с ними. Я поворачиваюсь, чтобы осмотреть квартиру. Нормальная такая берлога ебаки, снять квартиру в центре – вообще лучшее, что когда-либо приходило мне в голову.

Я вспоминаю о том, как героически всю ночь пилил Суицидницу Сару-Энн Ламонт: не пожалел сил, в терапевтических целях выложил на все сто! Это ли не лекарство от всех

мировых проблем? Тупая, сука, езда. О чем, черт возьми, беспокоиться, если ты как следует потрахался? Политика... та еще куча дерьма. Отношения... да любой пташке, у которой проблемы в отношениях, нужно только вогнать между ног правильной длины шишку. И вот она уже запела по-новому: какие еще проблемы в отношениях? Метод творит чудеса! Надеюсь только, что Сэл не сумасшедшая с комплексом спасителя. Но о чем это я: конечно, она сумасшедшая, она только вчера ночью пыталась себя укокошить!

А вот и она – входит в моей, сука, футболке «Солнце над Литом», еще один тревожный звонок. Я всегда говорю: волноваться нужно не ночью, когда ты пытаешься стащить с тёлы трусики, а на утро – когда ты не можешь, сука, отобрать у нее свою футболку! Железно!

Пташка она что надо. Черные волосы до плеч, макияж, мрачная, как чертова готка, но сексуальная, немного плотная, самую малость, на середине четвертого десятка, то самое время, когда пташки начинают немного отцветать, – как раз то, что я люблю! Вот когда тёла начинает по-настоящему получать удовольствие от ебли! У Сэл уже не та унылая мина, с которой она ходила вчера, – на диван она плюхается с крокодилей улыбкой.

Я смотрю на нее.

– Ну и как ты себя теперь чувствуешь?

– Как следует отжаренной.

– А суицидальные мысли?

– Их нет, – отвечает она, призадумавшись. – Осталась только озлобленность.

– Ты можешь злиться на тех, из-за кого тебе пришлось несладко. Но не на себя. Иначе считай, что они победили.

Она качает головой:

– Я знаю, Терри, но я не могу перестать быть собой. Я прошла через все возможные консультации, выслушала все мыслимые и немыслимые советы, принимала самые разные лекарства...

Я похлопываю себя между ног:

– Вот единственное лекарство, которое тебе нужно, цыпочка. Железно.

– О боже, – смеется она, – ты просто ненасытен!

– Да, – говорю я, – здесь ты права. Но это не главное, – подмигиваю я ей. – Главное – это вопрос, который ты должна задать себе: «Кто насытит меня?»»

15. Джонти в «макдональдсе»

В школе дела у меня никогда особо не складывались, ага. Точняк, точняк, не складывались. И я всегда из-за этого расстраивался. Я виню в этом нашего настоящего папу Генри, который проводил слишком много времени на работе где-то далеко, и маму, которая так растолстела, что не могла даже выходить из дома. Наш Хэнк ходил в школу, и Карен тоже. Этот наш настоящий папа Генри, он говорил:

– Ты, Джонти, малость туповат, так что школа тебе все равно не поможет, не то что Хэнку или Карен.

Я никогда не жаловался, но меня это задевало. Это задевало что-то глубоко в груди, мне казалось, что если бы грудь можно было открыть, то внутри оказались бы пауки. Они ползают на своих маленьких ножках, и ты чувствуешь внутри что-то странное. Точно, он поселил в моей груди пауков, вот что он сделал, ага. Школа не очень-то им помогла, в смысле – нашему Хэнку и Карен. Правда, теперь Хэнк водит погрузчик, не так уж плохо, но вот Карен всего лишь присматривает за мамой. Пустая трата навыков, которые она получила на курсах соцпомощи. Конечно, теперь она вся такая квалифицированная; вся такая квалифицированная и могла бы присматривать за кучей людей, а не только за мамой в своем собственном доме. Ужасное расстройство, точняк. Присматривать только за своей мамой, когда у тебя есть квалификация, чтобы присматривать за кучей мам; точняк, так и есть. Ага.

А я просто сидел себе на кладбище и читал надписи на надгробиях, пока не становилось слишком холодно, тогда я шел в гости к Бобби Шенду, чтобы немного погреться и выпить чашечку чая. Мы смотрели по телику гонки и делали ставки, кто победит. Но потом я перестал туда ходить, потому что Боб би все время выигрывал. «У тебя нет шансов, малыш Джонти», – говорил он. И тогда я понял, что все ставки против меня, я хорошо это понял, ага, разве не так?! Поэтому я перестал тусоваться с Бобби. Он был нормальным парнем, болел за «Хартс», но его прозвали фенийским ублюдком, потому что в РИА²³ тоже был Бобби Шенд. А потом я взял и уехал из Пеникуика в Горджи.

Но Горджи я люблю.

Я люблю «Макдональдс». Точняк. И больше всего я люблю чикен-макнагетс, ага, их – больше всего. Мне нравится, что они такие плотные, когда их откусываешь, и не такие жирные, какими бывают иногда нагетсы в «KFC». Я люблю «KFC», но только под настроение, обычно после пары пивасиков, вот, точняк, это я люблю. А Джинти всегда выбирает фиш-энд-чипс. Я постоянно говорю ей, что она не должна бояться приключений. Ты не должна бояться приключений, Джинти, подшучиваю я над ней. Точняк, не бояться приключений. Но для разнообразия я все равно люблю взять макнагетс, точняк, для разнообразия. Ну а этот новый макфлури-афтер-эйт, мне так нравится этот макфлури-афтер-эйт! Но это лакомство только по вторникам, потому что нужно беречь деньги. Странно, но я совсем не люблю бигмак. Потому что после бигмака иногда жутко пучит.

²³ *Фений* – член тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от британского господства. Джонти, очевидно, имеет в виду ИРА – Ирландскую республиканскую армию, и активиста ИРА Бобби Сэндса (1954–1981), умершего в результате голодовки.

16. Отели и сауны

Эта Мошонка – просто куча дерьма собачьего. Это даже ураганом нельзя назвать! Абсолютно пустое место, тоже мне событие: ебаный, сука, розыгрыш. Немного мусора на улицах, какие-то разворошенные помойки, сбитые знаки и дорожные конусы да одно или два высаженных окна – ничего такого, чего не оставалось бы после толпы бухих придурков каждые, сука, выходные!

Я развожу по городу парочку посылок и заглядываю в «Свободный досуг», чтобы проверить, как там бизнес-империя Пуфа. Эта Саския по-прежнему здесь; польская птишка, страшно сексуальная, всегда в облегающем блестящем топики и короткой юбке, как будто собралась в клуб, но для местного предприятия она, пожалуй, выглядит слишком потерянной и хрупкой.

– А Джинти нет? – спрашиваю у нее.

– Не-а, она так и не вернулась, – говорит Саския, выговор у нее вроде как шотландский, но с восточно-европейским акцентом. – Может, в Мошонке застряла!

Я смеюсь над ее шуткой, но тут другая птишка, Андреа, смотрит прямо на меня и говорит:

– Может, и застряла.

Мне нравится манера Саскии и Джинти держаться, но, судя по всему, многие тёлы здесь отнюдь не так счастливы, и, кажется, я знаю, в чем причина: этот мелкий придурок Кельвин определенно наводит на них страх. Как только он появляется, любой смех замолкает. Мне это не нравится, на работе нужно быть жизнерадостным. Особенно если твоя работа – трахаться!

– Бизнес-то не особо идет, – говорит он.

– Да уж, – произносит эта Андреа, и я начинаю загибаться от смеха, потому что сама она вроде как китайка, но говорит с английским акцентом.

– Ну, тогда пойдем, – говорит он, кивая в сторону одной из комнат, – есть кое-что длинное для тебя.

Этот придурок смотрит на меня и улыбается до ушей. Так бы и врезал этому тощему говнюку в его тупое табло. Пусть эта Андреа и корова, но я вижу, что тёлa уходит реально напуганная, а этот тошнот идет за ней. Не нравится мне все это дерьмо. Предложить птишке потрахаться – это одно, но приказывать тёлам трахаться в ситуации, когда они не могут отказаться, – это, сука, ни в какие ворота не лезет. Когда они скрываются за дверью, Саския бросает на меня испуганный взгляд, словно просит меня что-нибудь сделать. А что я могу сделать? Ко мне это никакого, нахуй, отношения не имеет, я здесь просто для того, чтобы помочь Пуфу, а Кельвин как-никак его шурин. Стараясь не привлекать лишнего внимания, я говорю Саскии:

– Сообщи мне, если Джинти объявится.

– Но ты ведь можешь сюда позвонить.

– Не хочу лишний раз разговаривать с жизнерадостным мальчиком, – киваю я в ту сторону, где Андреа, вероятно, уже тонет в потоке страданий. Я стараюсь говорить тихо: может, быть тёлы и ненавидят Кельвина, но стукач в такой организации всегда найдется.

Саския смотрит на меня секунду-другую и чиркает свой номер на клочке бумаги.

В тачку я возвращаюсь не в лучшем расположении духа. Я вбиваю номер Саскии и отправляю ей сообщение: «Будут новости от Джинти, дай знать. Терри. Це».

Годные тёлы здесь, конечно, есть, да и Пуф говорит: ебись на здоровье, контора платит. Но ну его нахрен, ведь даже если у тебя халявный счет, хочется трахать птишку, которой это нравится, вроде Джинти, а не ту, которая отрабатывает, сука, часы. К тому же с таким шлангом, как у меня, это они мне еще должны приплачивать за услуги! Железно! Эта Джинти теперь знает, что к чему, вопрос только в том, когда она вернется.

Приходит ответное сообщение от Саскии: «Да, и ты тоже, если что-то узнаешь. С».

Хорошая девка. Но проститутки – это совсем не для меня. То, что такие тёлы, как Саския, вынуждены продавать свое тело за деньги, – беспредел. Куда лучше зарабатывать, снимаясь в порнушке с таким парнями, как я и Больной. Но заговаривать с ней об этом не стоит, того и гляди об этом прознает Пуф и обвинит меня в переманивании сотрудников или, хуже того, еще начнет вмешиваться в наши дела. Я и так уже повязан с этим придурком дальше некуда.

Подъезжаю к Истер-роуд и вижу, как из магазина с номером «Ивнинг ньюс» выходит наш новый директор, паренек, что приехал из Дублина, я сигналию ему и легонько машу рукой. Этот должен быть получше, чем тот бесполезный придурок, что был до него. Я беру пассажира на Лондон-роуд. Опять какой-то придурок с лосиной мордой. Очень скоро он спрашивает меня:

– А почему мы едем этой дорогой?

– Трамвай... одностороннее движение... объезд... муниципалы...

Звонит телефон, это Суицидница Сэл. Мы договариваемся встретиться на Грассмаркете, после того как выгружу там этого жалкого убьба. Скупердяй оставляет мне на чай пятьдесят ебанных пенсов. Диспетчерская со своей шарманкой тут как тут:

ПОЖАЛУЙСТА ВОЗЬМИТЕ ПАССАЖИРА В ТОЛЛКРОСС.

Но это не Большая Лиз, так что пусть сосут, сука, мой хуй, если они, конечно, смогут натянуть на него свои сраные маленькие губки. Я печатаю:

ТОЛЬКО ЧТО ВЗЯЛ ПАССАЖИРА НА ГРАССМАРКЕТ.

Сэл залезает в кэб, выглядит она значительно лучше. В глазах как будто снова появилась какая-то жизнь. Ничто так не возвращает веру в светлое будущее, как тупая, сука, езда! Железно!

Лучшее в сексе с пташкой на заднем сиденье настоящего такси, например кэба, заключается в следующем: после того как ты ее трахнул, она не может сесть на переднее сиденье. То есть ты сохраняешь дистанцию, улавливаете?

– Где будет проходить наш заезд? – спрашиваю я, оборачиваясь. – Для тебя сделаю все на высшем уровне, ни одной дырки не пропущу. Я даже захватил с собой приятеля, – говорю я и вытаскиваю из-под сиденья вибратор, который всегда там храню.

Сэл лукаво выгибает дугой бровь. А она не из глупых: знает, что этот жест стабильно вызывает у мужиков дрожь в яйцах.

– А что, все эдинбургские таксисты – наркозависимые сексуальные извращенцы?

– Только те, с которыми стоит иметь дело.

Она издаст легкий смешок:

– Можем поехать в мой отель. У меня до завтра забронирована комната в «Каледониане», потом мне нужно ехать обратно к матери в Порти.

– Класс, – говорю я. – Оторвемся как следует, пока есть где.

Я люблю еблю на заднем сиденье кэба, но и против капельки роскоши тоже ничего не имею. За все эти годы я понял одну вещь: если судьба наградила тебя шлангом размером с коня – и, прошу заметить, не размером с конский хуй, а размером с самого настоящего жеребца, – то ты, сука, обязан им пользоваться. Ну а если у тебя еще и язык как шарф у Доктора Кто, то, будь любезен, найди и ему применение. И вот мы уже на кровати в шикарном номере. Я в самом низу, вылизываю так, словно я джамбо, а она – стеклянная витрина, да еще добавляю огонька вибратором. Поначалу Сэл немного скована и недоверчива, но есть такие тёлы, которым просто нужно немного помочь, – и тогда они раскрепостятся. Обо всем можно договориться. Как я привык говорить: «отъебись» значит «нет», «нет» значит «может быть», «может быть» значит «да», а «да» значит «анал». Железно!

Скоро с нас начинает течь пот и у Сэл сносит крышу, она залезает на меня и в какой-то момент чуть не вырывает из моей груди клочок шерсти! Господь, сука, Всемогуший! Затем небольшой сеанс сзади. Мы выходим на уровень, который я называю «сожаление о забытой

видеокамере». Это когда ты уже наебался на целый диск с порнушкой и теперь думаешь: «А вот это, сука, было б нехудо и записать».

Мы лежим в постели и заказываем обслуживание в номер: бутылку красного вина и бутер. Не стоит, конечно, пить за рулем, но у меня в записке есть кое-что, что поможет мне взбодриться. Сэл заговаривает о том, чтобы уехать из Лондона и найти себе квартиру здесь.

– Меня там все достало, – говорит она и впивается в меня взглядом, который мне не совсем по душе.

В смысле, я ведь не могу ей ничего на это сказать, она сама решает, где ей жить. Мне хочется ответить: даже, блядь, не вздумай переезжать из-за меня! Я не тот чувак, слышишь. Шизанутые пташки; убогие, полоумные, подрывающие физическое здоровье и коверкающие душу – это да, но куда чаще просто классные тёлы для траха. Всегда приятно провести с ними немного времени – и еще приятнее наконец-то от них съебать!

В итоге весь день был потрачен на устройство ебатория, и с идиотской, словно нефтяное пятно на коралловом рифе, улыбкой до ушей я возвращаюсь в кэб. Я замечаю, как мимо проходит тёлка в красном пальто, у нее черные волосы, и на секунду мне кажется, что это малышка Джинти, но это не она. Тогда я делаю короткий звонок в сауну, Саскии, но там по-прежнему тихо. Затем мне звонит Ронни:

– Мы можем завтра поехать в Хаддингтон? Я имею в виду, это безопасно?

– Ну конечно безопасно.

– А ограничения на передвижения в связи с чрезвычайной ситуацией к тому времени уже снимут?

– Да нет никаких ограничений. Ураган ушел, все.

– Странные вы, черт побери, ребята, – говорит он.

Мы договариваемся на утро, и он вешает трубку.

После пары заказов, в том числе одного, благодаря которому я получаю номер шикарной, развратной на вид, потертой куколки из Нового города, мне снова звонит Сэл, и я не могу удержаться, чтобы не вернуться в отель для повторного сеанса, еще более безумного, чем первый. Сплошная ебля, опустошение мини-бара, раскатывание дорожек, и так без конца, до полного изнеможения. Ее изнеможения, разумеется, не моего, уж это железно!

Когда я просыпаюсь на следующее утро, вокруг все засрано к чертям. Пиздец, рок-звезда, блядь! Мы спускаемся вниз, чтобы позавтракать, оба как в тумане. Ко мне подходит какой-то придурок, типаж «благородный швейцар», ебанный французиш-сука-консьержиш, псих в дебильном костюме. Он смотрит на меня и говорит:

– Джентльмены перед завтраком бреются.

Умник сраный. Тогда я ему отвечаю:

– Предпочитаю дождаться момента, когда я окончательно проснусь. Иначе недолго и без мошны остаться.

Это затыкает мудиле пасть, и он стоит, словно кто-то вогнал в его волосатую задницу раскаленную кочергу. Самоубийственная Сэл смеется, и то хорошо. Классно видеть, что она смеется. Умная, ладная, молодая пташка с талантом – и вдруг решила покончить с собой? Она еще и чертовы пьесы пишет, кроме всего прочего! Было время, когда я, сука, едва мог свое имя написать вместо подписи. А она столько всего умеет и хочет сброситься с чертового моста? Да у нее не все дома, не иначе! Твою мать, конечно, у нее не все дома, в этом-то и проблема!

Любая дорога хороша, если она ведет к завтраку, но сейчас я ощупываю складки на животе и думаю: может, в меню есть какая-нибудь каша с ягодами. В любой момент на еблфон может прийти неожиданный звонок по горячей порнолинии: Больной никогда не предупреждает о съемках заранее. Здесь не Голливуд, поэтому только ты срубил тысчонку-другую на одном фильме, как через пару месяцев ты уже снимаешь следующий. Нужно быть в форме. Поэтому я выбираю кашу.

Нам приносят еду, и Сэл говорит:

– Никогда бы не подумала, что ты из тех, кто прикалывается по здоровой пище.

– Люблю, когда организм в тонусе, – подмигиваю я ей. – Как насчет небольшого совкупления после завтрака?

– Ты чудовище, – говорит она и качает головой. – Совершенно озабоченный. Ты не можешь прожить без секса и пары часов!

– Ага.

– Тебе правда стоит сходить на собрание сексуально зависимых.

– Ага, все может быть, – говорю я, посмеиваясь, а про себя думаю, что здесь есть над чем поразмыслить. Нельзя ниче го утверждать наверняка, но и исключать тоже не стоит. Но овсянка здесь – высший, сука, сорт! Ни в какое сравнение с тем, что готовила маманя!

17. Безучастные к природному феномену

В пабе уже давно не накурено, но призраки сигаретного дыма все еще здесь. У музыкального автомата в углу синхронно опохмеляются близнецы Барксдейл, в то время как их товарищи, которые выглядят куда бодрее, собрались перед разложенной на столе газетой. В «Дейли рекорд» опубликована статья о том, как храбро детеныши панды встретили ураган Мошонка у себя в вольере в Эдинбургском зоопарке.

«Они остались совершенно безучастны к природному феномену, – сообщил старший служитель зоопарка. – Они как будто уже переняли знаменитый шотландский стоицизм».

Губы Эвана Барксдейла плотно сжимаются, потому что в паб заходит Джонти Маккей. Джонти просит стакан молока, и бармен, Сандра, очень аккуратно, как кажется Джонти, его наливает.

– Вот, держи, Джонти.

Конечно же, Джонти знает, что парни в углу смотрят на него и на этот стакан молока у него в руке. Крейг Барксдейл окликает его:

– Ты что, Джонти, трипер подцепил? Теперь в КВД бегаешь? Ать-два!

– Ничего такого, не-а, точняк, просто пытаюсь не пить, – качает головой Джонти. – Слишком много пить вредно, точняк.

– Ебнуться можно!

– Молоко в Пабебезназвания! За гранью полит-сука-бля-корректности! – вставляет Дерек.

Джейк, который все это время стоял за барной стойкой и протирал стаканы, смотрит на Джонти и говорит:

– Молоко за счет заведения, приятель.

– Спасибо, Джейк, ага, спасибо...

– Я тут слышал, Джонти, что ты здорово умеешь красить.

– Ага, красить, точняк, да, да...

– Не хочешь покрасить наш паб? Правда, работать придется по утрам – закрывать на ремонт я себе позволить не могу. Но ты ведь живешь как раз напротив!

Джонти обдумывает предложение. Дополнительный заработок лишним не будет.

– Да, Джейк, я смогу вставать рано, точняк, да...

Эван Барксдейл слышал этот разговор, он отрывает глаза от газеты на столе. Джонти присоединяется к компании и слышит, как Эван заключает:

– Эти сраные панды, я уверен, что-то там с ними нечисто. Вон, смотрите, здесь уже даже признают, что это фенийские ублюдки!

Вмешивается Тони:

– Это две панды из Китая в зоопарке-то фенийские ублюдки?

– Да.

– Не гони!

– Да я тебе, сука, отвечаю!

– Да ну тебя!

Джонти бегаёт глазами с Эвана на Тони и обратно.

– Эй, тупица, кончай глазами дрыгать, – не выдерживает Эванс. – Как на сраном Уимблдоне! Туда-сюда, туда-сюда!

По столу проносится волна смеха.

– Туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда!

Джонти пытается понять, о чем это они. Никто в пабе не играет в теннис.

– Они уже называли одного «Солнцем», как в «Солнце над Литом», и говорят, что он фанат «Хибз», – продолжает Эван Барксдейл. – Вонючие узкоглазые фенийские шлюхи подзаборные. Как раз в тот самый момент, когда правительство отказалось от своего обещания помочь нам с новым стадионом!

– Здесь ты прав, Баркси, – вклинивается Опасный Стюарт. – Помните, как этот хибби Риордан, продажная шлюшка, уехал играть в Китай? Следом приходят новости о том, что в Эдинбург едут две сраные панды. Вот увидите, дальше будет концерт этих очкастых придурков *Proclaimers*!

– Туда-сюда, туда-сюда! – смеется Тони.

– Ага, смейся сколько влезет, только это не дело.

Эван Барксдейл качает головой и смотрит на Джонти:

– Что ты, черт возьми, на это скажешь, Джонти?

– Мне нравятся панды, точняк, точняк, точняк, но я не думаю, что их волнуют «Хибз» и «Хартс». Скорее уж, «Данфермлин» или «Сент-Миррен», раз они такой расцветки. Точняк, черно-белые, ага. Ага. Ага. Ага. «Данфермлин». Ага. Или «Сент-Миррен». Точняк.

– Вот ты и попался, Баркси, – говорит Тони.

– Хер с ними, с пандами, – усмехается Эван Барксдейл. – Я вообще не понимаю, почему поднялась такая шумиха вокруг этих тупых панд. Они даже не трахаются, чтобы спастись от вымирания, и попробовать другую жрачку ни-ни.

– Политкорректный медведь, – говорит Дерек. – Безумие!

– Повторить? – Крейг Барксдейл указывает на пустые стаканы. – «Теннентс»?

– Да. «Теннентс», – говорит Тони.

– Да. Тогда уж и еще один пирог давай, чтоб тебя... – добавляет Опасный Стюарт. – Деньги я тебе верну!

– Да, «Теннентс», – говорит Эван Барксдейл.

Крейг Барксдейл поворачивается к Джонти:

– А тебе чего?

– Не, не, не, мне нравится пить молоко, точняк.

Крейг Барксдейл закатывает глаза, но, вообще-то, он рад, что Джонти отказался от пива.

– Не фачатся, ах, не фачатся чертовы панды, – напевает он своему брату.

– Вот сука, – произносит Тони, – я б хоть сейчас сунул бы в стремя!

– Туда-сюда, туда-сюда!

– Так что же, Джонти, не собираешься ли ты завести с Джинти семью? – спрашивает Тони.

– Туда-сюда, туда-сюда! – Все садятся на свои места, чтобы посмотреть на реакцию Джонти.

– Нет, – отвечает удрученный Джонти. – Нет уж. Не-а.

– Семья – это сплошные дети и разговоры о деньгах, Джонти, – печально произносит Тони. – Собственная жизнь тебе не принадлежит. Нужно заделать пташке спиногрыза, тогда она перестанет трахаться с кем попало, если, конечно, она не настоящая проститутка. Настоящая проститутка всегда будет трахаться с кем попало, и с этим ничего не поделаешь. Но попомни мои слова, Джонти, главное – заделать тёле ребенка, но только одного или двух, не больше, потому что иначе ее щель пойдет по бороде. После родов заезды будут уже не те. Моя Лиз – та просто ложится на спину и раздвигает ноги. Никакого энтузиазма. – Он с грустью качает головой. – У вас с Джинти все так же, как и было, когда вы только начинали, а, Джонти?

– Нет, – отвечает Джонти, теперь уже совсем грустный. Потому что раньше и вправду было не так.

– Этот разговор приобретает депрессивный, сука, оттенок! – кричит Эван Барксдейл. – А ведь на носу чертово Рождество.

– Точно, время добрых дел, – говорит Опасный Стюарт. – У кого есть первый? Кто-нить, бля, позвоните кому-нить!

Джонти не выдерживает.

– Мне пора идти, точняк, ага, у меня еще дела, – говорит он, вставая со стула.

– Ага, деньжата, значит, будут, – слышит Джонти Эвана Барксдейла, который повышает голос, как только Джонти начинает идти к выходу. – Маленький хитрожопый придурок будет красить паб! Когда он в последний раз угощал нас чертовой выпивкой? Я только к этому, Тони.

Джонти толкает дверь и выходит на улицу, размышляя о том, что требовать от него платить за чужую выпивку нечестно, когда сам он пьет только бесплатное молоко. Снова начинает холодать, но дождь прекратился, и темные от воды тротуары замерзают, образуя узоры, от которых Джонти приходит в восторг. В порыве чувства он наступает ботинком на один из них и уничтожает замысловатый орнамент, но затем едва сдерживается, чтобы не расплакаться от осознания того, что его действия стали причиной исчезновения такой красоты.

От этого разочарования его отвлекает бесплатная газета, которая валяется на тротуаре. Он поднимает ее.

Проходит совсем немного времени после его возвращения в квартиру, прежде чем раздается звонок в дверь. Джонти открывает дверь лишь настолько, насколько позволяет небольшая длина цепочки, которая держит дверь. Молодая женщина смотрит на него, сморщив нос, словно учуяв что-то нехорошее, и Джонти вынужден признать, что внутри немного грязно, потому что Джинти болеет. Дома нужно прибраться. Придется чаще выполнять свои обязанности.

– А Джинти дома? – Девушка говорит как иностранка. Может быть, полячка. – Я Саския, ее подруга с работы.

– Нет, – говорит Джонти и качает головой. – Нет, ее нет, точняк, не-не-не... и в то место она тоже больше не вернется, – сообщает он Саскии, имея в виду «Паб без названия». – Я все знаю о том, что творится в этом месте! Да, все! Отвратительные вещи! Точняк, точняк...

Саския поднимает руку к груди, и Джонти истолковывает этот жест как проявление стыда.

– Мне очень жаль, я знаю, что это плохо, но мне были нужны деньги...

– Потому что в этом месте происходят плохие вещи!

Повесив голову, Саския уходит прочь, она думает о своей семье в Гданьске, о том, что они бы умерли, если бы узнали, откуда берутся деньги, которые Саския присылает им каждую неделю «Вестерн юнионом», а в это время Джонти размышляет о Баркси, об этом злосчастном кокаине и о том, что с ними со всеми из-за него стало. Внутри него закипает ярость. Чтобы успокоиться, он берет бесплатную газету и начинает медленно читать.

Шотландские курильщики проявили настоящий героизм перед лицом экстремально суровых сил природы, принявших форму разрушительного урагана, который местные жители пренебрежительно прозвали Мошонкой. Когда около часа ночи по местному времени шторм достиг своей предельной мощи, на площади Грассмаркет в Эдинбурге группы курильщиков спонтанно покинули бары и затянули духоподъемную и дерзкую вариацию на тему «Цветка Шотландии». Строчку «выстояли против гордой армии Эдуарда» из известной песни Роя Уильямсона собравшиеся заменили на «выстояли против урагана Мошонка». Штукатур Хью Миддлтон, 58 лет, так прокомментировал это событие: «Я ни когда не видел ничего подобного. Мы горланили эту песню прямо под ночным небом. Удивительно, но после этого ураган стих. Так что мы действительно отправили Мошонку „восвояси, хорошенько подумать“. Думаю, посыл в том, что если ты приехал в Шотландию, то должен вести себя подобающе, тогда тебя радушно примут. Но если ты выходишь за рамки приличий...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.